

Анна Велес

ОТЛОЖЕННАЯ КАЗНЬ

Анна Велес

Отложенная казнь

Серия «Ведьмин детектив», книга 1

Серия «Детектив-лабиринт»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67047096

Отложенная казнь: Эксмо; Москва; 2022

ISBN 978-5-04-163907-5

Аннотация

Новая книга в популярной серии! Увлекательный роман для любителей мистики, ужасов, книг и фильмов в жанре городского фэнтези. Он позволит читателям окунуться в мистическую атмосферу, не отрываясь при этом от реальности.

Существует ли потусторонний мир или это просто антураж для оставшихся в далеком прошлом готических романов? Герои остросюжетных книг Анны Велес точно знают ответ на этот вопрос. Они обладают магическими способностями и распутывают странные преступления, которые никак нельзя объяснить законами реального мира.

Майор Кирилл Шорохов приезжает на место преступления, где обнаружено тело жертвы маньяка, за которым уже почти год охотится полиция. Осматривая убитую женщину, он вдруг вспоминает лицо совсем другой девушки по имени Леони. Кирилл точно знает, что никогда ее не видел, но почему-то он

ее помнит! После этого у него начинают появляться и другие странные воспоминания. А еще Кириллу снятся кошмарные сны, в которых его все время пытаются убить. Причем это происходит то в Париже времен чумы, то во Флоренции XV века, то в средневековой Праге...

Содержание

Глава 1	6
1	6
2	13
3	16
4	20
5	29
Глава 2	31
1	31
2	38
3	49
4	54
5	56
Глава 3	70
1	70
2	81
3	84
Конец ознакомительного фрагмента.	98

Анна Велес

Отложенная казнь

© Велес А., 2022

© ООО «Издательство «Эксмо», 2022

Глава 1

1

Кирилл вышел из автомобиля, раздраженно хлопнул дверцей и мрачно осмотрелся. Серое утро, серые дома, все будто пропитано противной сыростью. На этом фоне желтая лента ограждения просто резала глаз.

Он надел тонкие резиновые перчатки, в которых руки леденели сразу, в любую погоду, в любое время года. Плотнее запахнув пальто, он двинулся вперед. Нехотя. Кирилл ненавидел «уличные убийства». Всегда чужие глаза, в воздухе

висит эта отвратная смесь страха и жажды зрелищ. Смерть — это таинство, неприглядное, глухое, тоскливое. Ее нельзя выставлять напоказ. Но... Он осмотрелся. К счастью, сегодня зевак мало, да и ребята из оцепления отогнали этих жадных стервятников подальше.

Кирилл привычно ловко проскользнул под линией ограждения. Асфальт с выбоинами и мелкими лужами. Щербатый, сиротливый, жалкий. И труп... Сначала Кирилл почему-то обратил внимание на ногу жертвы. Тонкую, худую и стройную, в серых узких джинсах, в ботиночке на высоком каблучке. Какая-то слишком хрупкая. Как и вся фигурка. Сколько же этой девочке лет? Вся она такая же тоненькая, миниатюрная, будто куколка. В короткой курточке, в белом свитерке, теперь испачканном кровью.

Кирилл подошел совсем близко, присел рядом с телом. Голова девушки была повернута в другую сторону, и майору сейчас так не хотелось видеть пустые глаза, застывшие на худеньком девичьем личике. Пока достаточно этого изломанного, брошенного тела, смешной крохотной сумочки, разметавшихся по грязи волос, красивых, густых, темных, как мех горноста. Собранных в косу...

Внезапно он подумал, что тут что-то неверно. Ведь на самом деле косичек должно быть две. Такие богатые, свисающие почти до талии. Эти косички совсем не вязались с торжественно-серьезным выражением еще почти детского, но уже удивительно красивого лица. Аристократически тон-

кого, с четкими, точными линиями, идеально правильными чертами лица и потрясающе гладкой молочно-белой кожей. И с огромными, еще такими наивными синими глазищами в обрамлении черных длиннющих ресниц. Откуда только такая почти царская красота у простой деревенской девчонки...

Кирилл на миг зажмурился. Что сейчас было? Они в центре города, немалого, между прочим. При чем тут деревня, косички... Он все же чуть нагнулся вперед и посмотрел на лицо убитой. Обычное женское личико. Симпатичное, в чем-то тоже наивно-милое, с чуть крупноватым курносым носиком, почти незаметными скулами и округлыми щеками. Глаза девушки оказались ожидаемо пусты. В этих красивых зеленовато-карих глазах навсегда застыло выражение удивления и тоски. Да и девушка эта явно старше той...

Кирилл раздраженно нахмурился. Суточное дежурство не прошло даром. В голову лезет какой-то бред...

– С тобой все нормально? – озабоченно спросили его. Чья-то рука сочувственно легла на плечо.

– Да, Вань. – Он машинально кивнул. – Насколько может быть нормально в таких обстоятельствах. Когда все это произошло? Кто-нибудь что-то может сказать?

– Естественно, свидетелей нет, – с угрюмым сарказмом известил его напарник. – Ее нашли в шесть утра. Первый, кто вышел из подъезда. Какой-то очередной любитель здорового образа жизни и активных ранних прогулок. Увидел, узнал,

позвонил нам.

– Узнал, – акцентировал Кирилл. – Она местная?

– Да вот прямо тут и живет. – Иван указал на облезлую и расписанную неумелым подростковым граффити дверь подъезда. – Буквально пять шагов до дома не дошла...

– Как и в трех остальных случаях, – сухо напомнил ему друг. – Без экспертов видно, почерк тот же.

Он указал на кровь на груди и животе девушки.

– Четыре ножевых, – подтвердил напарник. – Похоже. Скорее всего, наш четвертый случай за год. Четвертый возможный глухарь.

– Глухая серия, – болезненно поморщился Кирилл. – А порез на щеке есть?

Иван молча нагнулся и чуть повернул голову мертвой девушки. Кирилл снова присел возле трупа, посмотрел... На миг все снова изменилось. Вместо лица убитой мелькнуло то, другое, молодое, серьезное, живое...

– Что-то с тобой точно сегодня не так, – констатировал его друг.

– Если буду хоть изредка спать, все наладится. – По тону майора легко можно было догадаться, что выспаться ему не светит. Впереди целый рабочий день. Тяжелый. Теперь это очевидно.

И он снова перевел взгляд на убитую. Ее левая щека была исполосована ножом. Точнее, неизвестный серийный убийца вырезал на коже уже знакомый полицейским знак «S».

– Вот ненавижу это! – раздался рядом третий голос – к ним присоединился эксперт. – Все эти зверские выходки. И эти их маньячные идеи. Что это такое?

Серега указывал на щеку девушки.

– Зорро он, что ли, недоделанный? – с досадой возмущался эксперт. – Или это его личная подпись?

Кирилл задумчиво мотнул головой.

– Боюсь, тут что-то глубже, – заявил он. – Глубже и древнее...

Это последнее слово вошло в голову само. И... вызвало какое-то странное ощущение. Преддверие воспоминания, некое предчувствие. Мерзкое и беспокойное.

Кирилл резко выпрямился. Что за черт? Пора к психологу? Что с ним творится сегодня? Это же далеко не первое точное дежурство. Не первый выезд на труп. Даже конкретно в этом деле. Почему именно сейчас в голову лезет всякая муть?

– Ты, похоже, болеешь, – со знанием дела решил Иван, глядя на друга с беспокойством.

Кирилл просто кивнул.

– А где тот любитель ранних походов? – поинтересовался он. – Ты с ним уже говорил?

– Нет. – Друг тяжело вздохнул. – Но сейчас пойду. Похоже, сегодня лучше я. А ты давай, соберись...

И он, бросив на майора последний обеспокоенно-подозрительный взгляд, отправился к подъезду, где стоял моло-

дой человек в спортивном костюме в компании полицейского в форме.

Кирилл посмотрел на Серегу.

– Мы хоть знаем, кто она? – спросил он.

– Сейчас. – Эксперт привычно ловко подобрал женскую сумочку, вскрыл ее и стал осматривать.

Кирилл почти ненавидел себя сейчас, но... Он снова посмотрел на лицо жертвы. Нет, вроде все нормально. Она не похожа на ту девочку. Точно старше, цвет волос другой, лицо не как у...

– Леони, – вслух произнес Кирилл.

– Лиана, – поправил его Серега, разглядывая паспорт жертвы. – Ну ты даешь! Откуда узнал? У вас теперь фишка такая? Угадываете имена трупов?

– Типа того, – буркнул майор.

Но имя Леони просто билось у него в голове тревожным колоколом. И с каждым ударом Кирилл чувствовал себя все хуже.

– Ей двадцать два года, – между тем спокойно продолжал эксперт. – Прописана в этом доме. Тут еще у нее проездной и электронный ключ... Наверное, с работы. И какие-то документы... типа бухгалтерия или что-то похожее. Кир, надо бы ее в морг. Время смерти установить и так далее...

Майор кивнул, не глядя. Ему надо было избавиться от звучащего в голове имени, от странного гнетущего беспокойства и от какой-то пугающе тяжелой грусти, которую он ис-

пытывал, без конца повторяя про себя: «Леони»...

Это случалось всегда. Неизбежно. Каждый раз, когда он видел своего врага, начинал испытывать боль. Он знал, что это чувство фантомно, но боль приходила всегда. Вспыхивала резко, охватывала целиком, поглощала, мешала дышать. А вместе с ней возвращался страх смерти, с которым он ничего не мог поделать. Этот страх унижал, и за это он ненавидел себя больше, чем своего врага.

А ведь он пришел сюда, чтобы просто удостовериться в торжестве своей правоты. Это должен быть очередной день его новой победы. Однако... Радости и удовлетворения больше не было. Только боль, разливающаяся жаром по животу, стремящаяся ввысь, к сердцу. Как тогда. В тот день, который его враг еще не помнит.

Боль заставляла прижиматься спиной к холодной и грязной стене. А он не выносил грязи. Любая грязь ассоциировалась у него с ощущением собственной крови, липкой и вонючей, засыхающей коркой на коже. И это все благодаря ему, человеку, который сейчас осматривал труп очередной убитой грязной девки.

Он многое бы отдал за то, чтобы убить этого человека. Сейчас, пока еще не поздно. Убить хотя бы раз. Но... Не так. Не исподтишка. Это должна быть казнь. Судилище перед богом и людьми. За его мерзость и грех. Должен разго-

реться огонь очищения. И когда-нибудь этот огонь поглотит его врага.

В этот раз он найдет способ это сделать. Он доведет свое служение до конца и тогда будет свободен. А пока ему придется еще немного потерпеть.

Он, преодолевая новый приступ, скручивающий внутренности, вызывающий тошноту, вперился глазами в фигуру, застывшую у трупа. Он хотел рассмотреть врага, понять, каким он стал здесь и сейчас. Это тоже было неправильно и зря, это заставляло страдать. Вот так, каждый раз, в деталях изучать ненавистное лицо, сейчас отчужденно-скорбное, усталое. Смотреть на его фигуру, как всегда высокую, подтянутую. Фигуру воина. Хотя какой он воин? Просто деревенский увалень, умеющий держать меч. Отрепье, чуть лучше тех, с кем он водится. Но... может быть, это его собственное очищение, его страдания, испытание. И он... он снова выживет...

Боль становилась невыносимой. Он осторожно стал отступать дальше, все еще не сводя взгляда с лица своего врага. И когда уже собирался отвернуться... Он не мог услышать так далеко, но... он прочел по губам и вздрогнул. Он почувствовал страх, омерзение, ярость и темное жуткое чувство, поднимающееся откуда-то из самых глубин. Как и всегда при упоминании этого имени. Леони...

Надо бежать. Сейчас это необходимо. Быстрее прочь. Пока еще есть силы, туда, в свою спасительную темноту и теп-

ло кабинета. Туда, где есть лекарство. Временное спасение от всего этого. От боли, памяти, бессилия, от этого имени. Леони... Один укол, несколько минут блаженства и темнота. А потом он будет думать, как все это преодолеть.

Она помнила день своего посвящения. Лето, холм над озером. Помнила это пьянящее ощущение, когда впервые встала в центр круга. Когда в ней играла сила. Тогда Май подняла руки, и сотни бабочек сорвались вслед за ней с цветков. Она устремила свою энергию ввысь, к солнцу, и легкий ветерок завился между ее запястьями. Она была счастлива. Мир вокруг нее прекрасен, и он принадлежит ей.

Май достаточно было легко оттолкнуться от земли, и она бы взлетела – от этого переполняющего ее восторга, пьянящего всесилия, полной свободы и безграничного счастья. Тогда она умела летать. А сейчас...

Май неслась по замерзшему молчаливому лесу. Ноги в легких туфлях заledenели, и неумолимый холод поднимался к сердцу. Май бежала вперед, задыхаясь от страха. Если она не успеет... Ее волосы спутались, лезли в глаза, задевали за мелкие ветки. Она даже не чувствовала боли, когда лес брал с нее свою жертву, выдирая пряди с корнем. Май не видела тропинок, знакомых с детства, она бежала напрямик, на автомате, перепрыгивая через упавшие стволы, яростно раздирая кусты. Исцарапанная, грязная, в порванной одежде.

Май не слышала хруста веток под шагами Мона, его окрики и ругательства. Еще немного, вперед-вперед... успеть! Даже ценой своей жизни!

Наконец она вырвалась на поляну. Тут еще были заметны следы жидкого снега, острого, как осколки стекла, такого редкого для ее родных мест. Следы снега и крови. Ее запах ударил в нос, превращая страх в панику. Май свернула туда, куда уходила кровавая полоса. Она сама не замечала, как уже тихо плачет от отчаяния. Когда увидела его тело за очередными кустами, будто прорвало плотину, и она зарыдала в голос.

Май буквально подлетела к распростертому на земле мужчине, упала рядом с ним на колени, отчаянно расцарапав израненные и замерзшие ноги. Девушка тянула его вверх, поднимала, чтобы перевернуть слишком тяжелое тело на спину. Он упрямо не поддавался. Так же упрямо, как он полз сюда...

– Карл! – Его имя вырвалось из горла вместе с рыданиями. – Как же так... Карл!

Девушка сквозь слезы осматривала тело. Рана. Одна глубокая, на правом боку... И море крови... Май приложила свои заоченевшие ладони к этому месту и призвала свою силу. Ту самую силу, что могла подкинуть девушку в воздух, что рождала ветер, а когда надо, даже огонь... Но сейчас ладони лишь чуть потеплели. А этого так мало...

– Карл, – жалобно звала она. – Карл, милый... Открой глаза! Не уходи, Карл!

Но мужчина ее не слышал. Она даже боялась проверить, дышит ли он вообще. Он должен дышать, должен жить, да-

же если сейчас она вложит в него свою собственную душу и жизнь. Май снова попыталась призвать силу, но отчаяние и страх не давали мыслить, сосредоточиться, творить. Магия делается на холодный рассудок...

Май просто встряхнула мужчину за плечи, насколько хватило ее человеческих слабых сил.

– Карл! – Ее крик сорвался на верхней ноте. – Карл! Ты не бросишь меня! Карл, открой глаза!

Но он не открыл их. Просто лежал безвольно и... мертво...

Май резко села на кровати, распахнув глаза. Щеки были мокрыми от слез, в горле еще саднило от рыданий. Мон стоял рядом. Угрюмый и усталый.

– Опять? – обреченно спросил он.

Она кивнула, вытирая лицо.

– Когда? – поинтересовался он.

– Там, – глухо выдавила девушка и откашлялась, потому что горло будто зажали тисками. – В первый раз. Лес у Экса.

– Но тогда же все обошлось, – скупно улыбнувшись, заметил Мон. – Ему всегда везло, помнишь?

Она тоже заставила себя изобразить подобие улыбки.

– Хватит, – тихо, но твердо произнес друг. – Ты все же ведьма. Иди и выпей какую-то из твоих отрав. Иначе у тебя не будет сил спасти гада в этот раз. Свари пойло от памяти.

Май не стала спорить, спустила ноги с кровати.

– Ты не так уж сильно его не любишь, как хочешь пока-

зять, – напредила она, потому что Мон от нее этого ждал.

– К сожалению, – наигранно сердито проворчал он. – Иначе бы не тратил столько времени на его поиск. Иди за отравой! А я его найду...

Выспаться. Это стало чем-то большим, чем даже мечта. С того момента, как Кирилл впервые вспомнил лицо Леони, все пошло наперекосяк. Дело об убийствах за эти дни не сдвинулось ни на дюйм, слишком странное дело. Не было улик. Убийца не оставлял следов. Не было версий. Кроме самой простой – что в их городе орудует псих. Не было ничего, что связывало бы жертв между собой. Имелось четыре трупа, одинаковый почерк и этот непонятный вырезанный знак на щеках убитых женщин.

Эта буква действовала на Кирилла не меньше, чем его галлюцинации, которые за пять дней стали нормой. Майор пребывал в полной уверенности, что знает смысл послания. Но не помнит. Хотя это предчувствие воспоминания мгновенно начинало раздражать, заставляло волноваться, и... приводило к диким приступам головной боли.

А ведь раньше такого никогда не было. У Кирилла ни разу в жизни не болела голова. До этого... До Леони. А сейчас... Он привык к Леони. Почти. Привык видеть ее лицо, косы. Ее старинный наряд не казался Кириллу странным. Просто Леони была такой. Когда-то в прошлом. Вот только век майор бы точно не определил. Больше его смущало то, что каждый раз девушка, вернее, еще девочка, склонялась над ним, начинала произносить какие-то слова. И Кирилл знал, что

она говорит не по-русски, хотя прекрасно понимал ее речь. А еще – он точно был уверен, что этот голос принадлежит не Леони. Голос был старше этой девочки, увереннее и злее. И Кирилл почти любил этот голос... А все вместе полностью выбивало его из колеи.

Как и сны. Они приходили каждую ночь. Их сюжет был однообразен. Каждую ночь Кирилла убивали. Или хотя бы пытались это сделать.

Темная комната, голые каменные стены. Пара чадающих светильников. Грязь и шуршание крыс по углам. Люди, лежащие на каких-то койках. Сам Кирилл сидит на табурете возле одного из них. Первое, что он ощущает, – дикую нечеловеческую усталость. Потом запах. Вернее, смрад. Человеческой грязи, разлагающейся плоти и обгорелого мяса.

Кирилл одет в рубаху, которая когда-то была белой и чистой. Сейчас она заляпана кровью и смердит, как и все вокруг. Он обмывает руки в глиняном сосуде, похожем на что-то среднее между котлом и миской. Вода там тоже, наверное, когда-то была чистой. Сейчас она густо-розовая от чужой крови. Кирилл мочит в этом жутком растворе кусок тряпицы, серый, со следами чего-то желтовато-коричневого. А рядом с ним на огне греется металлический штырь.

Кирилл помнит свои мысли: сейчас надо прижечь бубоны на теле мальчика. Да, ведь перед ним лежит мальчик лет одиннадцати. Ребенок уже не может плакать, а только тихо стонет. У него жар. Кирилл чувствует тепло даже с такого

расстояния. Руки мальчика задраны, и под мышками они – верные следы бубонной чумы.

Кирилл осторожно обматывает руку еще одной тряпицей, собираясь взять раскаленный штырь... И только тут краем глаза замечает движение сбоку. Это уже не крыса... Принесли еще одного зараженного? Нет... Фигура, закутанная в черный плащ, подбирается к нему. В руках убийцы кинжал...

Или подворотня. Ночь. Весенняя, буйная... где-то рядом гремит карнавал. Они нападают сразу. Их трое. Шпаг нет, только все те же кинжалы, черные маски на лицах и плащи...

Лес. Зимний, холодный. Его родной лес. Он тысячи раз бывал на этой поляне. Теперь он тут и умрет. Его противники снова молчаливы и хорошо обучены. Но он не так прост. Двое из них ранены его мечом. Сам Кирилл чувствует боль в правом боку. Одной рукой он зажимает рану, другой держит оружие. Один из нападавших резко бросается вперед...

После таких снов он вскакивал в своей кровати, тяжело дыша, мучаясь от все той же жуткой боли. Будто кто-то сжимает его голову тисками или прокручивает кинжалы в ранах на висках. А потом... Уснуть снова не получалось. Мозг просто отказывался отключаться после таких приключений.

Сейчас Кирилл плелся домой. Чудом довел автомобиль до своего двора, припарковался. Не забыть закрыть дверцы и включить сигнализацию. Он вышел из машины, проделал все необходимые действия, чтобы защитить свое имущество,

и на минуту просто замер. Подышать воздухом. Еще не морозным, а просто холодным и немного влажным. Такой бывает дома после уборки урожая. Когда туманы ползут от озера, в лесу становится тихо и только скрипят голые ветки...

Он стиснул зубы. Снова... Он ведь даже не мог понять, что это: галлюцинации или... воспоминания? Но как он может помнить девушку, чье лицо никогда в жизни не видел? А у Леони такое лицо, которое забыть почти невозможно. Или вот это! Как он может помнить места, где ни разу не был? Но он помнит...

Кирилл развернулся, собираясь пройти несколько шагов до подъезда. И тут перед ним практически ниоткуда нарисовалась фигура, закутанная во что-то черное. Он даже не удивился. Надо быть совсем идиотом, чтобы не понять, к чему сняты такие сны, да еще столько раз подряд. Кирилла пришли убивать. Снова. Он позволил себе улыбнуться, когда увидел знакомый кинжал. Тот самый! Тонкое лезвие, сантиметров в тридцать длиной, небольшая гарда и рукоять, совсем простая, покрытая бронзой с рисунком. Хотя... он же сейчас не видит кинжал целиком...

Человек в черном попытался ухватить Кирилла за грудки. Ага, сейчас! Майор резко дернулся в сторону и вынул из рукава свое оружие. Конечно, забирать домой табельный пистолет ему никто бы не позволил без весьма значимой причины. А сны и видения к таковым не относятся. Но и ходить по улицам ночью совсем безоружным Кирилл себе поз-

волить не мог. Будем считать, это дань традиции: железный штырь, пусть и не раскаленный, как было в том первом сне.

Нападающий снова попытался ухватить Кирилла хотя бы за рукав и тут же резко ударил кинжалом. Майор не стал уворачиваться и постарался отбить удар своим прутом. Преступник тут же отскочил назад. Да у них прямо дуэль! Жаль, нет любимого клинка!.. Кирилл как-то забыл, что никогда в жизни не держал в руках меч.

Преступник снова начал атаковать. Он раскачивался из стороны в сторону, при этом выбрасывая руку с оружием вперед. Каждый новый удар шел под другим углом. Кирилл не следил за этими увертками, он дал противнику подойти ближе, а потом просто от души съездил ему кулаком в челюсть. Нападающий вскрикнул от неожиданности.

Кирилл расслабился. Преступник отступил, у него есть некоторое пространство для маневра... Все же не хватило умения. Или воспоминаний. Когда противник в следующий раз провел серию ложных выпадов, Кирилл просто не успел отбить один из них прутом, и кинжал порезал щеку. Резкая боль и неприятное ощущение влаги, стекающей за ворот. Мерзкое ощущение. Майор махнул прутом, отгоняя преступника. Однако тот, вместо того чтобы отступить назад, сделал шаг вбок, и когда сам Кирилл по инерции сдвинулся вперед, преступник ударил полицейского кинжалом в левый бок.

Вот это уже серьезно. Сразу неприятно потемнело в гла-

зах и напала слабость. Кирилл зажал рану рукой, прищурился: зрение почему-то начало его подводить. И майор вовремя собрался. Обрадованный удачным ударом, преступник подобрался совсем близко, кинжал мелькнул рядом, видимо, убийца целился в сердце, но... Кирилл резко ударил нападавшего по руке, быстро, пока еще есть силы, замахнулся и постарался хорошенько двинуть преступника в голову. Однако прут прошел по касательной.

Преступник все равно отступил, его рука, похоже, была сильно повреждена, он придерживал ее другой. А кинжал... Кирилл, сползая по борту своей машины, радовался, что оружие отлетело и теперь где-то под днищем. По лицу преступника текла струйка крови. Надо бы еще раз врезать... Но только прут, оказывается, такой тяжелый... И этот... Он так далеко...

А кто-то рядом хлопает дверями автомобиля... Кирилл нахмурился. Он все же забыл включить сигнализацию? И где вообще ключи... Так холодно... в машине было бы теплее... И этот... куда он делся? Надо еще раз ему врезать... Майор начал проваливаться в странное, почти блаженное состояние, где тепло и... никак... только вот почему-то очень болит бок...

Его замечательное ничто боролось с болью. Он сам так хотел остаться там, в этой мирной темноте, но очаг в левом боку все разгорался холодом и одновременно огнем. У пламени был цвет крови и чего-то еще такого... грязно-желтого

с коричневым, как в той миске, в Париже во время чумы... Кирилл был слишком упрям, чтобы просто ждать, когда эта мерзость захватит его целиком, и устремился прочь.

Он полз, цепляясь локтями и упираясь коленями. Как тогда, в родном лесу по промерзшей земле. Полз и ждал. Тогда, в Эксе, он этого не знал. Но теперь... он ждал того голоса, что так часто слышал за последние дни. Голос ассоциировался с Леони, но не принадлежал ей. Возможно, в этот раз ему не повезет, и он умрет, но хотя бы перед смертью он должен увидеть настоящее лицо той, кому принадлежит голос.

А ведь Кирилл почти помнил это лицо. Вот сейчас, еще немного, и он сможет увидеть... если бы еще бок так не отвлекал. И холод... и эта слабость... но надо ползти, еще немного...

– Очнись! – прозвучал приказ.

Кирилл вздрогнул. Да! Она здесь. Только пока он никак не мог понять, где звучит ее голос: в его голове или там, в том мире, который он привык считать реальностью.

– Открой глаза, Карл!

Карл... Он всем телом, душой, сердцем откликнулся на это имя. Его имя. Она его позвала! Наверное, это все-таки там. В лесу. Она тогда звала его. И плакала. Кирилл не хотел видеть ее слез.

– Открой глаза! Ты можешь!

И тут его хорошенько встряхнули за плечи. Это движе-

ние толчком боли отозвалось в боку. Кирилл поморщился и с трудом разлепил глаза.

Ее волосы. Темнее, чем у Леони, красивого оттенка, какой бывает у коры сосен, непослушные, рассыпавшиеся по плечам. Ее лицо. Тоже худое, с чуть вздернутым острым подбородком, с широкими, почти кошачьими скулами. Ее вздернутый нос, блеклые веснушки. И ее глаза, яркие, ровно-серые, насмешливые. Нет, сейчас в ее взгляде напряжение и страх.

– Ты... – выдавил Кирилл и даже попытался улыбнуться.

Его накрыло волной облегчения. Будто он ждал ее не эти несколько дней, а всю жизнь. И вот она здесь. Она, ради которой вообще стоило проживать эту жизнь. Да и все предыдущие. Она, которую он надеялся увидеть, но не помнил еще пять минут назад. Май...

– А ты думал, в этот раз мы тебя бросим? – усмехнулась она. Только за показной насмешкой скрывалось все то же напряжение. – Держись. На этот раз на самом деле все не так плохо...

И он кивнул. Кирилл мало что понимал. Его благословенное ничто рухнуло куда-то вниз, а вот боль... Да, если бы не облегчение и совершенно непонятная неуместная радость от вида Май, он бы уже полностью утонул в этой боли и холоде. Но... Теперь все должно измениться. Он же знает... На самом деле это знал Карл, а вот Кирилл не понимал ничего. Но тоже чего-то ждал. Новой волны, теплой, густой, сметающей

боль. Ярко-синей, чуть поблескивающей между ее пальцев. Волны силы Май... Эта сила сметала боль, оттесняла холод, неслась по жилам вместо его собственной крови. Он понимал, что так и должно быть, но понятия не имел, что это такое на самом деле и почему он решил, что источником этого является Май.

Май... Кирилл даже не стал удивляться, что это за странное имя и почему он его помнит, почему ждал ее и почти что звал. Он мог бы спросить, но сил почти не осталось. Он обязательно это сделает, когда проснется...

Нет, он даже не удивился. Он мог только улыбаться. Зло и насмешливо. Это же только игра. Из раза в раз покушение проваливалось. Но... Он так легко мог себе представить слезы и страдание на лице Май, суровость и тревогу Мона. Он даже мог вообразить, какая на ощупь у Карла кровь. Мерзкая, липкая, зловонная. Он хорошо знал, насколько она отвратительна. Как любая кровь. Как его собственная. Но... когда-то Карл заставил его узнать это, теперь пусть расплачивается за это. В очередной раз. Такой вот привет. Всем троим.

А дальше... Он с трудом сдержал желание брезгливо поморщиться. Она, эта поганая ведьма, снова осквернит Карла своей магией. Пусть так. Скоро их время придет, и у него будет на один повод больше, чтобы их покарать. Отдать их на суд людской и божий. Предать очищающему пламени. Это обязательно случится, так что пусть пока Карл еще поживет. Ведь он хотел верить, что это будет их последний раз.

Он все же позволил себе улыбнуться, но тут же снова стал серьезен. Ему необходимо пережить еще одно испытание. Перед ним сидел тот, кого он отправил против Карла. И это один из лучших воинов того времени? С перебитой рукой и залитым кровью лицом. Также воняющий этой липкой дрянью.

И теперь еще нужно дотрагиваться до этого смердящего неудачника. А он ненавидел касаться людей. Но еще будет возможность отомстить и за это.

– Все не так страшно, – произнес он, осматривая поврежденную руку своего посланника. – Перелома нет. Сильный ушиб мягких тканей, возможно, трещина в кости. Можете сжать кулак?

Сидящий перед ним жалкий неудачник тут же выполнил команду.

– Я наложу фиксирующую повязку, – деловито предложил он.

– Я смог бы еще держать оружие, – хрипло и почти жалко произнес его пациент. – Но... Учитель! Мой клинок остался там!

Естественно. Он снова с трудом подавил презрительную улыбку. Это просто железка. Никому не интересная. Хотя... пусть этот тупой, вонючий и потный кусок мяса верит, что это клинок правосудия.

– Ничего, – покровительственным тоном произнес он и даже заставил себя похлопать человека по плечу. – Я верю, что вы сможете его вернуть.

Жалко и смешно смотреть, как этот больной идиот расцветает от его слов. Он послушен и верит всему. Еще одна хорошо отмеренная доза препарата, и этот горе-посланник пойдет ради него на что угодно...

Глава 2

1

Наконец-то это все закончилось. Неделя кошмаров и нервотрепки. Она ведь уже почти поверила, что в этот раз они не смогут найти Карла в мире, который вдруг так изменился. Но им снова повезло. Они успели.

Май забралась в свою постель, свернулась калачиком и закрыла глаза, уже зная, что она увидит.

Тот же родной лес под Эксом. Она по-прежнему стоит на коленях рядом с телом Карла, и он все еще не открывает гла-

за. Сила не приходит, только все то же чуть заметное тепло в ладонях. Она его теряет. Из глаз потоком текут слезы, в горле застрял спазм. Она ничего не может сделать...

Наконец Мон продрался сквозь кусты, бурча под нос ругательства, за которые его отец всыпал бы сыну плеткой. Друг опускается рядом с ней на корточки, устало и отрешенно смотрит на Карла.

– Он тебе так нужен? – спрашивает Мон с деланным безразличием.

– Больше, чем я думала, – хрипло признается Май. – А я не могу...

В следующий момент Мон от души влепляет ей пощечину. Щеку обжигает болью, от незаслуженной обиды у нее мгновенно высыхают слезы и начинается пробуждаться злость.

Мон, будто и не замечая этого, принимается ножом срезать с Карла остатки окровавленного плаща.

– Еще и кольчуга, – ворчит он. – Одно название... Будто такое может помочь...

Кольчуга на самом деле была убогой, частично сплетенной, частично созданной из соединенных легких бляшек, которые можно пробить даже детскими игрушечными ножичками.

– Видишь? – сердито говорит друг, указывая на Карла. – Он еще дышит! Его сердце бьется. Нет повода для слез...

Она уже сама видит и благодарна Мону за оплеуху. Злость всегда способна вызвать силу. Май чувствует привычное си-

нее сияние, разлитое в ладонях.

– Работай, – равнодушно бросает друг, отходя в сторону...

Он пришел в себя в белой пустой комнате. Тут и полицейским быть не надо, чтобы сообразить – больничная палата. Похоже, за окном еще ночь – в комнате темно. Кирилл прислушался к своим ощущениям. Он жив, что уже очевидно, но не здоров. Хотя пронизывающей боли в боку больше не было, как и холода. Но какое-то неприятное ощущение в том месте, куда его ударили ножом, осталось, как и слабость. Зато наконец-то выпался. Без сновидений.

Кирилл постарался осмотреть свои временные владения. Кровать, обычная, с пружинным матрасом и железным изголовьем, где прутья выкрашены в грязно-белый цвет. Тумбочка, убогая, незакрывающаяся, стул.

На этом стуле сейчас сидел человек. Мужчина. Высокий и массивный. Одет в белый халат, который ему явно мал. Вообще вся его фигура смотрелась как-то нескладно. Да еще это по-детски недовольное выражение лица и насупленные брови. Копна волос, черных, густых, выющихся, выглядела так, будто ее расчесывали пальцами. Мужчина, казалось, был полностью сосредоточен на экране своего смартфона.

Сначала Кириллу показалось, что они не знакомы, но... Его «медбрат» засунул пятерню в волосы. Не поправил челку, а вцепился пальцами в свои кудри и взлохматил их, хотя они и так торчали в разные стороны без его помощи.

Кирилл, вернее, Карл, сразу вспомнил этот жест. Тогда он пришел в себя где-то в темноте, под каменным сводом. В пещере, в паре лиг от Экса. Он был укрыт шкурами, недавно выделанными, а потому еще не утратившими запах животных. В нескольких шагах от него горел огонь. У костра сидели Май, зябко кутающаяся в плащ с меховой подпушкой, и тот же мужчина, только на несколько лет моложе, тогда еще юноша, но такой же большой и нескладный.

– Зря мы не убили его, – сказал этот человек с сожалением.

– За что? – удивилась Май. – За то, что он не смог ничего сделать, потому что ни о чем не знал?

– Можно подумать, сделал бы, если б знал, – заспорил юноша.

– Кажется, ты забыл, – с упреком осадил его девушка. – Когда знал, то он ее спас.

Ее собеседник тоскливо вздохнул.

– Ладно, – признал он свое поражение. – Но по-моему, тебе просто нравится его смазливая мордашка.

– И это тоже, – весело усмехнулась Май.

Кирилл улыбнулся. Ему всегда становилось тепло от мысли, что его мордашка еще нравится Май... Пусть он вспомнил ее только несколько часов назад...

– Ты еще долго собираешься притворяться спящим? – осведомился у него псевдосанитар, не поднимая глаз от игры.

– Пока не пойму, являешься ли ты для меня угрозой, – иронично отозвался Кирилл. – Ведь тогда ты хотел меня убить. В лесу, дома...

– Карле! – Вот теперь мужчина отвлекся, чтобы неуклюже потянуться, но, правда, быстро передумал, сообразив, что халат может лопнуть по швам. – Ты всегда такой забавный, когда возвращаешься. Знаешь, сколько уже раз ты напоминал мне об этом?

Карле... Это не было издевкой. Именно так его имя звучало изначально. И этот человек всегда предпочитал называть его так. Этот человек...

– Мон, – Кирилл произнес его имя вслух. – А сколько раз я спрашивал тебя, почему ты этого хотел тогда?

– Ну... – его собеседник сделал вид, что задумался. – Пару раз спрашивал.

– И что ты обычно мне отвечаешь? – тут же уточнил Карл.

– Все это началось из-за тебя, – уже совершенно серьезно отозвался Мон. – Из-за того, что Леони выбрала тебя. Пусть ты ничего не знал обо всем этом. Но... Ведь ты даже ее не помнишь.

– Помню, – признался Карл, легко вызывая в памяти личико той девочки. – На этот раз помню. Ее лицо, две косички, шаль на плечах и яркую зеленую кофту.

Мон отбросил смартфон, помолчал и склонил голову набок.

– Что-то новое, Карле, – заявил он. – И это интересно.

– Нет, Мон, и даже не забавно. – Карл покачал головой. – Мне это кажется логичным. Но вот непонятно, почему я так прекрасно помню ее лицо, волосы, вроде бы даже фигуру, но не испытываю в этих воспоминаниях никаких эмоций. Май... ее я просто ждал. Ты... вызываешь у меня смешанные чувства: желание врезать тебе или пригласить напиться. Почему я ничего не испытываю к Леони?

– Напиться – это здорово, Карле, – оценил Мон и вдруг улыбнулся, искренне: широко и непривычно задорно. Карл подумал, что вряд ли помнит такое, но его собеседник тут же снова стал замкнутым и серьезным. – Только пока не выйдет... А Леони... Чему удивляться, Карле? Как ты можешь испытывать к ней хоть что-то, если чувств у тебя к ней никогда не было? Пусть она и была самой красивой девочкой в Эксе, но... Когда ты впервые увидел Май, все было решено.

Он скорбно помолчал.

– К сожалению, тебя правда не в чем винить, – признал Мон. – Просто... Леони любила тебя. А я любил ее. Ты... с тобой и так все понятно.

– Мон. – Сейчас Кириллу, а может, и Карлу, было не до чужих трагедий. – Я помню очень мало. Скажи мне только, когда это было?

– В 1435 году, – послушно отозвался его собеседник. – Ты всегда слишком привязан к деталям. Место, время...

Кирилл собрался задать следующий вопрос, но Мон только отрицательно покачал головой.

– На сегодня хватит, – мужчина встал со своего стула. – Я вообще-то хочу спать. А врачи уверяли, что тебе нужен отдых. Не хватайся за мелочи, Карле. Не поможет. Все придет, когда будет нужно. Спи!

Мон просто приложил палец ко лбу Кирилла, и тот тут же почувствовал, что просто физически не в состоянии держать глаза открытыми. А ведь он даже не спросил... Но он уже спал.

Когда он очнулся в следующий раз, палата была залита дневным светом. Мона, естественно, не было. Зато тут суе-тилась молоденькая и в принципе симпатичная медсестра, для которой раненый преступником майор полиции был ге-роем. Себя он героем не считал. Даже не знал теперь, кем является на данный момент. Но похоже, все-таки Карлом. Теперь уже окончательно. И с этим надо было смириться.

Аккуратно выставив сестричку, он постарался разобраться со своей памятью и хоть как-то ее подтолкнуть. Все же он полицейский или был им долгое время. Карл увидел на тум-бочке свой смартфон, потянулся за ним. Движение почти не доставляло боли. Интересно, это результат действия обезбо-ливающих или все же магия Май? Он знал, что она обладает магией, и относился к этому спокойно. Почти спокойно...

Карл взял аппарат в руки. Кажется, он зарегистрирован в какой-то из социальных сетей. Войдя в свой аккаунт, по-смотрел плей-лист. Почти ничего из этого его больше не ин-тересовало. Разве что... Даже удивительно, что здесь есть та-кой трек... Карл нажал кнопку воспроизведения, и по пала-те разнеслись первые аккорды «Марсельезы» в исполнении Пиаф.

Вообще он не любил эту мелодию. Скорее наоборот, она напоминала ему о пережитом страхе и злости. Но он и по-

ставил ее, чтобы вспомнить Париж, но уже не чуму, а революцию, в которой для него не было ничего великого.

Карл будто снова увидел толпу, пьяную от свободы и явно чего-то горячительного. Вооруженные чем попало, с пустыми глазами. Просто свора. Карл бежал от них, таща за руку Май. По кривым грязным улицам и ужасающе воняющим переулкам. Спрятаться, затаиться. Хоть где-то, хоть на пару минут...

Май тогда дрожала от страха и отвращения. Она ничего не могла сделать против них. Никакая магия не способна остановить обезумевшую человеческую свору. Карл затащил ее в развалины какого-то дома, заставил пригнуться, затаиться в углу за кучей мусора и прижал к себе, надеясь унять ее дрожь. За ними ввалился Мон, как всегда насупленный, злой, с украденным где-то топором в руках и разбитой губой. В его глазах горела решимость убивать. Не этих обезумевших простолюдинов, а того, кто натравил толпу на них троих. Того, кто стоял за всем этим.

Карл нахмурился. Кажется, он вспомнил главное. Человек, стоящий всегда в тени. Тот, кого они убивают раз за разом. Тот, кто присутствует здесь и сейчас. Кто стоит за вчерашним нападением на Карла и убивает тех женщин. Тот, кого Карл ненавидит. Сильно, давно, кровно...

Дверь резко открылась, впуская в палату четверых посетителей. Серега, эксперт из отдела, с кем Карл, еще будучи Кириллом, ездил на место обнаружения трупа девушки, у ко-

торой было лицо Леони. Также его навестить пришли Славка и Макс, оперативники, с которыми Кирилл служил уже более пяти лет. И даже их непосредственный начальник Павел Семенович. Они радостно улыбались, старались подбодрить... Карл кивал, тоже улыбался и мучился вопросом, как снова, хоть на время, стать Кириллом.

– Ну ты счастливчик! – сказал ему Славка, известный на все управление любитель женского пола. – У тебя тут такие девочки...

– У меня тут рана в боку, – иронично напомнил ему Карл.

– Но ведь не в паху! – усмехнулся Макс. – И кровать вполне ничего. Но если серьезно, ты реально счастливчик. Между прочим, у тебя был очень жирный шанс до больницы не дожить.

– Почему? – искренне удивился раненый. – Колотое ранение в брюшную полость слева. Даже если задеты желудок или селезенка, у меня было около шести часов, чтобы получить медицинскую помощь. А смартфон с собой.

На лицах коллег появилось неприкрытое удивление, начальник нахмурился. Карл понял, что где-то совершил ошибку.

– Ну, – озадаченно выдал Серега. – Каким-то чудом жизненно важные органы оказались не задеты. Причем реально чудом... Врачи так сказали... Только вот интересно, откуда ты все это знаешь? Про желудок и селезенку?

Как же ему не знать! Он в том же Париже был чумным

доктором и имел возможность вскрывать трупы. Пусть и тайно... Только вот Кирилл о таком, похоже, не подозревал.

– Это все можно нагуглить, – нашелся Карл.

– Это правильно, – закивал Макс с облегчением. – А то было бы, как в прошлый раз! Когда тебе в перестрелке плечо задело, ты нас спрашивал, есть ли там какие-то важные органы.

Да, это было три года назад в жизни Кирилла. По сути, все равно в жизни Карла. Только теперь эти воспоминания казались блеклыми и чужими. А их так необходимо вернуть...

– Ладно, – вдруг заговорил Павел Семенович. – Меня немного удивляет другое везение. На месте оказалась «Скорая помощь», причем частная. Они даже поработали бесплатно.

И шеф посмотрел на майора так выразительно, будто передавал ему слово.

– Вот тут мне реально повезло, – не растерялся Карл, выдав эту фразу с максимальной иронией. – Обычную приходится ждать, а тут частная и сразу на месте! Кстати, а что это была за «Скорая»?

Казалось, начальник им доволен. Но полковник даже не подозревал, насколько Карлу нужен этот ответ. Ведь он так и не успел спросить Мона, где найти Май.

– Это мы узнали, – радостно сообщил Серега. – Клиника «Май-медика». Кажется, занимаются нетрадиционной медициной. И похоже, успешно, если у них есть своя «Скорая по-

МОЩЬ».

– Возможно, выезжали к кому-то на дом лечить от запоя, – выдал Карл, вспомнив манеру Кирилла. – Травками. Самое то!

– Только выезжала как раз сама Майя, – вкрадчиво заметил Павел Семенович. – Как-то слишком для запойного клиента. И тебе успела оказать помощь в этой самой «Скорой» очень профессионально.

Майя... так она себя называла здесь. Карл тут же вспомнил синий огонь в ладонях Май. Ее сила всегда светила синим, когда она лечила. И бордовым – когда убивала... Мысль о том, что она может убивать, почему-то Карла не смущала. А ведь Кирилл должен был уже на этом моменте подбирать ей статью в УК РФ.

– Видимо, клиника больше похожа на частный кабинет, – как можно беззаботнее пожал плечами майор. – Но точно могу сказать: на меня напала не она. Кстати, пока я тут валялся, вы хотя бы установили, кто? Я там его приложил немного. Должны быть следы. Возможно, даже ДНК.

– Ты, Кира, и тут отличился, – усмехнулся Макс. – Хоть представляешь, что ты получил в неравном бою у своего противника?

Макс тут же протянул ему смартфон, на экране которого был снимок с места нападения. Карл кивнул. Конечно, он прекрасно знает этот кинжал. Раз пять точно видел...

– Ну да, – уверенно заявил он. – Тонкое лезвие, обоюдо-

острое, сантиметров 25–30. Подделка, конечно.

Вряд ли кто-то хранит это оружие у себя все пятьсот с гаком лет... Хотя думать сейчас об этом несвоевременно. И упоминать вслух тем более.

– Да уж вряд ли в тебя придут тыкать настоящим антиквариатом, – саркастично заявил его начальник. – Ты сам-то подумай, что это за оружие!

Тут Карл понял, что его спрашивают о чем-то другом. Так... Что он там говорил? Длинное, обоюдоострое и тонкое лезвие...

– Убийства женщин, – выпалил он с искренним удовлетворением, и не только оттого, что пока вроде бы удачно играет чужую роль. Все, что касалось этих убийств, интересовало Карла не меньше, чем Кирилла. – Серия... А я-то ему зачем?

– Хороший вопрос! – подтвердил Славка. – Но это точно то же самое орудие преступления.

– Представляешь! – радовался Серега. – Ты ценой своей крови продвинул расследование вперед. Только, может, не стоило так гореть на работе?

Коллеги усмехнулись.

– Но все же я не понимаю логики преступника, – вернулся к своему вопросу Карл. – Четыре женщины и вдруг я. С чего?

– Именно ты всего два дня назад расписывал нам психологический портрет убийцы, – напомнил ему Павел Семенович. – Уверенно так. Ты логически доказывал, что интерва-

лы между преступлениями достаточно велики.

– Это потому, что убийца четко выбирает жертв, – подхватил Карл, которому сейчас самому было важно восстановить цепочку рассуждений Кирилла. – Это не спонтанные нападения. Он знает о них все. Наверняка отслеживает каждую из женщин. Убивали-то их буквально под окнами домов, у самого подъезда. И это не случайность. Он вел их до дома... И что? Я это говорил.

– Ну а подумать еще? – осведомился начальник. – Почему бы преступнику не закончить цикл? Не понаблюдать, как найдут тело? Такой тип убийц как раз может возвращаться на места преступлений.

– О! – подхватил Макс. – А ведь ты, Кира, на последние два трупа и выезжал. Он тебя запомнил. И вот!

– Возможно. – Карлу совсем не понравилась мысль, что незнакомец, которого он пока не вспомнил, похоже, намного лучше владеет информацией. И о самом Карле в том числе. А Май? Мон? Но пока нужно было играть роль майора. Только бы побыстрее...

– А что там с ДНК все-таки? – напомнил он.

– Оно есть, – удовлетворенно изрек Серега. – И даже опознано.

Карл позволил себе удивленно поднять брови.

– Маньяк в нашей базе?

– Пара приводов за драки и дебош, – рассказывал Макс. – Все больше в начале августа. Наш герой бывший десантник.

Контрактник. Несколько заходов по горячим точкам. Зовут Чистяков Николай Вадимович. 42 года.

– Стоп, – радоваться пока, по мнению Карла, было нечему. – Он разменял четыре десятка без кровавых походов. А потом – раз! – и четыре убийства. С чего?

– Горячие точки, – значительно напомнил начальник. – Это удобное место для кровавых приключений без последствий.

– Да, – согласился Карл, стараясь не отвлекаться на собственные воспоминания, особенно о Второй мировой. – Но когда это было? Сколько лет назад? Что заставило его сорваться сейчас? И почему женщины? Вообще обычно у людей такого склада другой выбор жертв. Они привыкли к равным соперникам. Или считают себя санитарами леса.

Последние слова заставили его нахмуриться. Знак на щеках убитых женщин. Метка, клеймо, наказание... У Карла появилось уже знакомое раздражающее предчувствие воспоминания.

– Почему у кого-то едет крыша, когда нормальному человеку не понять, – обиженно заявил Макс. – Поймаем, спросим.

– А ловим? – скептически осведомился Карл.

– Вообще с момента идентификации его личности прошло всего несколько часов, – напомнил ему начальник генеральским тоном. – А в остальное время мы были сильно заняты переживаниями о твоём здоровье.

Карл намек понял. Это ему надо спешить, узнать, поймав... Кого-то в тени, которого он еще не вспомнил. И даже не понял, почему у него этого самого времени мало. Но все же интуитивно чувствовал эту гонку... Хотя теперь чего ломать голову? Человек из тени знает о нем. Может быть, уже ищет Май...

Он заметил выражение недоумения на лице Славика. Он что-то пропустил.

– Кир! – буквально гаркнул Макс.

– Ты чего кричишь? – удивился Карл.

– Да я тебя уже три раза зову! – возмутился коллега.

Карл нахмурился. Это была большая ошибка. За своими мыслями он совсем забывает быть Кириллом. Они могут почувствовать неладное. А эти люди ему нужны.

– Прости, – повинулся он. – Я еще не в себе.

Если бы Макс знал, насколько правдивы его слова!

– Оно и понятно, – сочувственно подхватил Серега. – Ты давай, выкарабкивайся. А то Иван там один бежит по пропискам этого нашего десантника, без боевого прикрытия.

Иван – лучший друг Кирилла. Как ни странно, Карл испытывал к этому человеку чувство приязни, близости и доверия.

– Ага, – выдал он иронично. – Я-то думаю, что это он не с вами? Совсем загрустил о моем здоровье?

– Сильнее всех, – кивнул Павел Семенович. – Сказал: хоть кто-то должен за тебя отомстить. Но, скорее всего, не найдет

он твоего обидчика. Обещал прийти вечером.

– Будет не мне сочувствовать, а нить, что никого не нашел. – Карл помнил все привычки напарника Кирилла. – Он у нас еще тот меланхолик.

– Главное, чтобы ты с него пример не брал, – решил Славка. – Ладно. Мы поедем тоже искать следы маньяка. А ты давай лечись! И вот тебе для нервов.

Он аккуратно положил на край кровати пачку сигарет. Карл брезгливо поморщился. Он не переносил запаха табачного дыма.

– Я бросил, – чопорно сообщил он.

– Давно? – удивился за всех начальник.

– С неделю уже, – не соврал Карл. Он не курил с того дня, как вспомнил Леони.

– Теперь понятно, чего ты такой сердитый, – решил Серега, забирая пачку. – Это от никотиновой ломки. Но ты держись. Мы тебе и апельсинов принесли. Традиционно.

Карл кивнул. Апельсины он любил. Особенно запах апельсиновых цветов. Он помнил его так хорошо... Чем-то этот аромат ассоциировался с домом. С Эксом. С родным небом, горами и озером...

– Что-нибудь еще хочешь? – спросил Славик. – Можем вечером с Ванькой передать.

– Гранаты! – тут же выпалил Карл.

От одного воспоминания о вкусе любимых фруктов у него рот наполнялся слюной. Гранаты с горячим хлебом и моло-

дым сыром...

В палате снова повисло недоуменное молчание.

– Вы чего? – Он понял, что опять сказал лишнее.

– Кир, ты же ненавидишь гранаты, – напомнил Макс.

– Ну да. – Карл изобразил кислую мину, надеясь исправить положение. – Но эта кислятина с кучей костей лучше, чем таблетки. Если уж мой желудок чудом не пострадал от удара извне, не надо пытаться заработать язву изнутри.

– Это ты к чему? – осведомился сбитый с толку Серега.

– У меня была большая потеря крови, – устало разъяснил ему раненый, которому окончательно надоело выкручиваться. – Понижено содержание железа. Его надо восполнить. Нужны продукты специальные. Или таблетки. Они в облатках, и эта оболочка плохо действует на слизистую желудка. Так и до язвы недалеко. Продукты лучше!

– Ладно, мучайся гранатами, – решил Славка. – Держись, мужик.

Они все по очереди пожали ему руку. Карл не мог дождаться, когда же они наконец уйдут. Ребята неплохие, во многом ему помогают, но... Ему прямо сейчас надо постараться узнать как можно больше. О себе, о человеке в тени. О том, с чего началось все это безумие.

Телефоны клиники «Май-медика» в Интернете нашлись всего за пару минут. Один из них обещал связь с некоей «приемной». То есть это место ближе всего к тому, где можно найти Май. А значит, и Мона.

На вызов ответил приятный молодой женский голос, официально радостный. Секретарь прилежно выдавала положенные фразы, но Карл решил ее перебить.

– Девушка, подождите, – решительно приказал он.

Она замолчала, кажется, удивленно.

– У меня к вам простая просьба, – продолжал он. – Просто передайте Мону, что он мне срочно нужен.

– Мон... – упоминание этого имени ввело даму в полный ступор. – Он никогда...

– Не общается ни с кем из пациентов, – Карл прекрасно знал характер этого человека. – И не надо. Просто скажите ему, звонил Карл.

– Но я не уверена... – начала растерянно девушка.

– Что он ответит? – следующая догадка звучала уже саркастично. – Я не прошу найти его и передать трубку. Просто донесите до него мое сообщение.

– Я не знаю, где он, – жалобно призналась секретарь.

– Зато я точно знаю, что у него есть смартфон, – парировал Карл. – Как и у всех. Если вы просто напишете ему со-

общение, это сэкономит вам и мне время. А заодно спасет вас от его дурного настроения.

– Хорошо, – после паузы сдалась она.

Карл, не прощаясь, прервал вызов.

Мон появился в его палате через десять минут. В это время Карл изучал картинки из Яндексa. Точнее, фото Экс-ле-Бен.

– Глупая мысль, – как всегда мрачновато буркнул Мон, кинув взгляд на экран. – Тебе это не поможет. Там все изменилось.

Похоже, на этот раз злился он не из-за Карла, а именно из-за этих перемен.

– Вижу, – сухо заметил Карл, откладывая смартфон. – Кое-что осталось. Наша пещера, например.

То место, где его выхаживали после самого первого нападения, где в углу лежали вонючие шкуры, где он услышал разговор Мона и Май.

– Теперь она чистенькая и чужая, – не согласился Мон. – И туда водят туристов.

– Как и в монастырь, – теперь и Карл почему-то болезненно поморщился. Это место ему интуитивно не нравилось.

– Забудь, – коротко распорядился его собеседник. – Нашего дома просто больше нет.

Карл кивнул. Он это понимал, и ему было больно. Пусть об их Эксе он вспомнил только пару дней назад.

– Ты тут прописался, что ли? – сменил он тему.

– Я просто спал, – в тоне Мона появились надменные нотки. – Ты же не возомнил себе, что я буду твоим телохранителем?

– Моя мания величия еще не столь развита, – усмехнулся Карл.

– Надо же! – картинно удивился его товарищ. – У тебя вдруг появилось чувство юмора, Карле!

– Это самоирония, – поправил его Карл. Ему нравились эти перебранки.

– Тем интереснее. – Мон склонил голову набок, как делал всегда, слыша что-то новое. – Но пока еще интереснее узнать, зачем ты меня звал? И почему меня, а не Май?

– Пока у меня вопросы именно к тебе, – перешел Карл на деловой тон. – Кстати, больше не смей проделывать со мной свои фокусы. Твоя магия не так сильна, как у Май, но все же... Я даже не успел узнать у тебя номер телефона!

– Зачем? – философски изрек Мон. – Ты же все равно меня нашел.

– Да, причем легко, – согласился Карл. – А ты не думал, насколько легко это мог сделать и кто-то другой? И в этом случае нам всем хорошо бы быть рядом. Или хотя бы предупредить друг друга об опасности.

– Он не полезет к Май!

Это прозвучало с каким-то детским вызовом, будто Мон очень хотел бы верить, но...

– Ты говоришь, что я изменился, – напомнил Карл. – По-

чему ты думаешь, что он не изменится?

Мон упрямо поджал губы, потом рывком забрал его смартфон и вбил туда свой номер.

– Только не доставай меня по пустякам! – велел он. – И хватит уже трепать! Зачем ты меня позвал?

– Из-за Леони, – признался Карл. – Ты сам сказал, это странно, но сейчас первой я вспомнил именно ее.

– Да, – серьезно подтвердил его товарищ. – Ты вообще никогда ее не вспоминал. Я уже сказал тебе, что, по сути, тебе нечего было вспоминать.

– Я это запомнил с первого раза, – раздраженно заметил Карл. – Но сейчас мне важно знать... Я помню ее девчонкой. Ей всего-то лет одиннадцать–двенадцать. Но ты говорил, она меня любила. А ты ее... Она же ребенок!

– В тебе слишком много от этого поганого времени, – решил Мон. – Тогда тебе самому было всего шестнадцать. А Леони двенадцать, да. Но она уже могла...

Он замялся в смущении.

– Тогда выросли раньше, – понял Карл.

– Типа того, – буркнул Мон.

– Но почему я могу вспомнить тебя в более старшем возрасте, могу вспомнить Май... любой. А Леони... – Он развел руками.

Его собеседник на миг отвернулся и ссутулился, будто его ударили.

– Ты и не вспомнишь, – нехотя признал он. – Леони ни-

когда не исполнилось тринадцать. Она умерла.

– Черт! – Карл реально пожалел, что спросил. – Извини.

Мон посмотрел на него удивленно. Похоже, его поразила искренность Карла.

– Ее убили, – пояснил он раньше, чем его собеседник придумал, как спросить об этом тактично. – Ее, а также их с Май отца и мать. Сожгли на костре. А потом и моего отца... Он был палачом. Вслед за ними...

Карл прикрыл глаза. Почему-то ему было больно так, будто он потерял родных. Это была застарелая, привычная скорбь, которая накрыла его снова.

– Я не должен был тебя спрашивать, – нехотя признал он. В палате повисло тяжелое молчание.

– Ты правда изменился, Карле, – заметил вдруг Мон непривычно спокойно. – Возможно, так и должно быть. А может, это все снова ни к чему не приведет. Но ты пытайся, спрашивай, делай хоть что-нибудь. Мне надоела наша бесконечная, разорванная на куски жизнь. Я хочу спокойно уйти за Леони, зная, что Май останется с тобой. Пусть ты ее не очень-то достоин...

Он хотел сказать что-то еще, но просто постоял несколько секунд, а потом вышел из палаты. Карл получил больше, чем хотел. Но от этого стало несравнимо хуже.

Он наблюдал за дверями больницы. Слишком много су-
еты из-за глупого деревенского мальчишки. Май давно его
подлатала. Рана несерьезна. Но сколько шума! От этих лю-
дей, кто стережет здесь закон. Полиция... странный и мало-
значимый элемент в его деле. Они никогда не поймают его.
Они ничтожны, как и сам Карл. Тем более что он в этот раз
один из них.

Он пришел сюда не для того, чтобы снова видеть своего
врага. Он пришел насладиться другим – его возвращением.
Несмышленный щенок будет теперь мучиться от головных бо-
лей и снов. Будет бороться со своей памятью, капризно же-
лая получить все и сразу, как всегда. Хоть немного можно
насладиться его страданиями, пусть и на расстоянии.

О! Он усмехнулся. В двери отделения заходил Джако. К
этому человеку он не испытывал ничего, кроме презрения.
Жалкий, вечно обиженный на судьбу, по мелочи подлый. Но
он даже может быть полезен, потому что ненавидит Карла
так же сильно, как и он сам. Интересно, наступит ли тот день,
когда Джако все же решится убить Карла? Это сразу решило
бы столько проблем...

Он вздохнул. Ничего. Нужно только подождать. В этот раз
все так идеально, удобно... Он найдет способ наказать своих
врагов и избавиться от них навсегда. Предать их тела и души

очищающему огню, как он всегда мечтал.

Он бросил последний взгляд на окна палаты Карла и побрел прочь. Шел и представлял себе их всех — избитых, сломанных, измученных, привязанных к позорным столбам. Представил пламя, рождающееся прямо из его ладоней и ползущее к эшафоту. И... вот уже огонь заполняет все, охватывает тела, рвет их, заставляет вопить от нестерпимой муки. Убивает и очищает. Да! Так и будет. Он найдет способ очистить их.

Он ускорил шаг. Так хотелось еще немного помечтать... Немного лекарства, блаженство и грезы. Всего одна ампула. В его кабинете. Надо поспешить...

Мон давно ушел, но тягостное впечатление осталось. Карл помнил эту скорбь. Именно она стала той силой, что превратила их жизнь в странный отрывочный бег. Сначала была боль. Та же пещера, где Май просто лежала на шкурах, отвернувшись к стене, отказываясь от еды, без сна. Мон, сгорбившийся у костра, иногда сердито вытирающий слезы грязным грязным рукавом. И его собственная злость, порождаемая бессилием. А потом они просто стали мстить...

Тогда Карл видел свой дом в последний раз. И дом, и весь Экс – таким, каким он его запомнил. Дом, которого больше нет... Карл в это не верил. Пусть прошло время, изменились люди, а на улицах вместо серо-коричневых стен из простого известняка теперь стоят яркие и красивые здания. Но там их озеро. Их горы. И может быть, частичка их леса. Такое не умирает. Земля помнит. И камень. Так говорила Май.

Май... Он отчаянно скучал по ней. До головокружения. Так хотелось еще раз просто увидеть ее лицо, глаза, всегда смотрящие на мир с вызовом и легкой насмешкой. Ее запах совсем не изменился. Все тот же чудесный тонкий букет ароматов знакомых трав. Ее волосы, по-прежнему густые и непослушные... Май осталась собой, как и Мон. А Карл... Он понимал, что с каждым возвращением меняется. Но его преданность этим двоим неизменна. Как и любовь к дому,

к Май...

Он заснул, вспоминая Прагу, их маленький дом у реки. Это был длинный и почти спокойный год. И тот вечер, когда они сидели у костра, жарили мясо, пили вино. Тот вечер, когда он впервые сказал ей о своих чувствах. И их первая ночь...

Карл проснулся около шести вечера, когда ему принесли скудный больничный ужин. Он совсем не был привередлив в еде. Им редко удавалось жить комфортно и есть вдоволь. Так что тут не до капризов.

В семь часов дверь палаты широко открылась, и на пороге появился он... Карл знал, что этого человека зовут Иван, и опасался его прихода. Они дружили с Кириллом еще с университета, уже более 15 лет. Такого не проведешь. Да... Карл умудрился раза три ошибиться при остальных, а уж тут...

Иван улыбался широко и как-то шкодливо. Он был высоким, плечистым, но удивительно худым – темно-каштановые волосы коротко острижены, кожа на вытянутом лице почему-то всегда смуглая, будто парень большую часть жизни провел на югах. И глаза – темные, как две оливки, какие всегда подавали за столом в доме отца. Большие, чуть вытянутой формы. В принципе, как и у самого Карла. Как и у их отца...

Узнавание было резким. Оно прокатилось волной, принесло облегчение и... нет, радость – слишком слабое слово. Тут были все эмоции, какие можно испытать, только когда встре-

чаешь старого и верного друга. Карл улыбнулся в ответ, искренне и тепло.

– Что? Загораешь тут? – Иван устроился на стуле, где давеча сидел Мон. Карлу очень хотелось прямо сейчас об этом другу и сообщить, но...

– Это очень утомительное занятие, – вместо этого иронично заметил он. – А ты, говорят, сегодня искал того, кого вряд ли так легко поймать.

– Вообще нереально, – тут же подтвердил напарник, и на его лице появилось жалобное выражение. – По месту прописки не видели уже года два. Телефонов на него не зарегистрировано, банковских карт тоже. Друзей нет, родственников тем более. При такой паранойе не удивительно, что он серийный убийца.

– Все как я и говорил, – пожал Карл плечами. – Ты ноешь даже когда это положено делать мне.

– Это кому это ты такое говорил? – тут же с вызовом заинтересовался друг.

– Нашим, – весело пояснил его напарник. – Когда заходили с обязательным визитом.

– О да! – усмехнулся Иван. – Наслышан. По их мнению, тебя тут обкололи болеутоляющими до такого состояния, что у тебя крыша поехала. Так что они твоим сказкам обо мне просто не поверят.

– Чем же я их так поразил? – Вопрос был не праздным. Карл хотел знать, насколько сильно коллеги Кирилла отреа-

гировали на его ошибки.

– Ну, то, что ты курить бросил, мелочь. – Друг еще пытался держать веселый тон, но было понятно, что ситуация его нервирует. – И твои вдруг открывшиеся познания в медицине? Но самым масштабным потрясением стали гранаты.

Карл позволил себе усмехнуться. Играть дальше он не собирался.

– Принес? – В его тоне слышались требовательные нотки. Друг раскрыл пакет-майку, висящую на его запястье.

– Конечно, – сообщил он чуть ворчливо. – Ты, кстати, в курсе, сколько они здесь стоят?

Это «здесь» решило все... Карл принял у него первый крупный фрукт. Не такой красивый, с помятостями, и не ярко-красный, а розовый с чуть заметными крапинками на кожуре.

– То, что надо, – почти ликуяще сообщил он и посмотрел на друга. – Ты всегда умел их выбирать. Там, дома. В нашей кладовой за кухней, куда мы ходили ловить пауков. Помнишь, Джако?

Друг, вернее, брат, замер на какой-то еле заметный миг. Потом он поднял голову от пакета, забыв про второй гранат. Сначала был взгляд – цепкий, даже немного злой. Потом его лицо разгладилось, будто по нему прошла волна облегчения. Улыбка стала широкой, даже ликующей.

– Карле, – произнес Джако, как и всегда растягивая звуки в имени брата. – Ты вернулся.

Он привстал, потянулся вперед. Они с Карлом неуклюже обнялись. Потом Джако прошел к двери и аккуратно повернул ключ в замке.

– Это может выглядеть странным, – заметил брат. – Там сестричка бойкая. Разволнуется.

– Но нам много времени и не надо, – отозвался Джако со странной беспечностью.

– Что-то ты в этот раз поздно, Карле, – продолжил он. – Я начал бояться, что ты вообще ничего не вспомнишь. Но теперь все в порядке.

– Не совсем, – честно признался Карл. – На самом деле я еще помню очень мало. Так, урывками. И пытаюсь все сложить воедино.

– Как всегда торопишься, – с еле заметным злорадством заметил Джако. – Но в этом ты весь. А первой, конечно, была Май? Ты всегда сначала вспоминаешь ее.

Карл уже хотел возразить, но почему-то промолчал. Что-то было не так.

– Это же она спасла тебя вчера ночью? – почти требовательно спросил брат. – Успела, значит.

– Как и всегда, – осторожно заметил Карл. Все это вызывало в нем беспокойство. – Май... она совсем не изменилась. Ты ее уже видел?

– Пока только издали. – Тон брата становился все более холодным, а взгляд... решительным и жестким. – Но теперь точно успею и повидаться, и поболтать вдоволь.

Он вытащил из заплечной кобуры свой табельный, снял оружие с предохранителя и направил пистолет на Карла.

Это был странный момент. Карл не испугался. Скорее он был разочарован или обижен. Боли предательства еще не было. Все же он вспомнил брата буквально пять минут назад. Но... Ведь он доверял ему. Всегда. Когда был Кириллом и когда – Карлом. И он, и Май, и Мон... Была злость. Привычная. Даже привычно усталая. Ведь они раньше часто ссорились с братом. И пусть Джако старше, Карл часто брал над ним верх.

Карл не стал делать резких движений. Бесполезно. Комната слишком мала. Прятаться негде, да и не успеть. Помощи тоже не предвидится. Ладно, стоит тогда просто узнать: за что? Карл видел, что Джако ждет этого вопроса. Предвкусывает его. Брат всегда был таким. Они часто ссорились именно из-за раздражающей манеры Джако кидать обвинение или вызов и ждать, когда младший братишка начнет выпрашивать, в чем на этот раз его вина. Карл перестал играть по этим правилам, когда ему было семь лет.

– Знаешь, – наигранно доверительно сообщил он брату. – Во всем твоём плане, Джако, есть один нюанс... ошибка... Нет, провал! Катастрофический провал. – Он специально тянул время, стараясь разозлить бывшего напарника еще сильнее. Все равно помирать, так хоть оттянется за его счет. – Приходить убивать меня из собственного табельного совсем глупо.

– Ты снова пытаешься доказать свое превосходство надо мной! – Вот это разозлило его по-настоящему, как в детстве. – Но все это не имеет значения!

– Ты готов сесть за мое убийство? – глумливо осведомился Карл. – Нет, я в целом не против. Твое дело. Но почему все так топорно! Мог бы пожить.

– Поживу! – Джако вдруг снова расплылся в улыбке. – Долго это не продлится. Без тебя в этот раз Энрика убьет Май. Даже скорее Мон, пока она будет оплакивать тебя. Мы, как всегда, исчезнем. А в следующий раз... тебя не будет! И она станет моей!

Карл удерживал на лице выражение вежливо-насмешливого любопытства, а сам старался быстро переварить полученную информацию и новую порцию воспоминаний. Энрик... Тот, кто всегда в тени... Теперь Карл знал его имя, и... Нет, наверное, этого слишком мало. Все, что сейчас всплывало в памяти, – худой долговязый подросток с невыразительным лицом, почему-то очень бледный для их климата. Зато с роскошной шевелюрой и тонкими пальцами, которые в другую эпоху могли бы стать пальцами музыканта. Тогда этому мальчишке было всего шестнадцать. Как Мону. Но... Этого мало!

– Ок. – Карл решил вытянуть из ситуации по максимуму. – Ты хочешь, чтобы Май стала твоей. Я даже не удивлен. В этой истории все хотят женщин. Причем именно тех, которых не могут получить. Это ясно...

– Не ясно, – тут же завелся Джако. – Ничего тебе не ясно. Как всегда, высокомерный ублюдок.

– Ну, во-первых, у меня-то семья полная, перед богом и людьми, как говорят, – продолжал практически издеваться Карл. – А во-вторых, даже если ублюдок, то явно еще и удачливый. Иначе ты бы тут не размахивал пистолетом.

А в голове снова мелькали воспоминания, на этот раз такие дорогие и теплые. Наконец-то Карл вспомнил лицо матери. Она не была так уж красива по общепринятым меркам, но для своего сына казалась прекрасной. Высокая, с пышными формами, с открытым лицом такой формы, какую сейчас называют «сердечком», с четкими чертами лица, но почему-то не грубыми, а удивительно женственными, и такими добрыми светлыми глазами. Не голубыми, нет. В их краю такое – редкость. Но глаза матери были как мед с лугов, как янтарь и с веселыми зеленоватыми прожилками. Она всегда улыбалась, когда смотрела на сына.

– А ведь в чем-то ты прав, Карле, – вдруг успокоился Джако. Он перехватил пистолет и чуть склонил голову, рассматривая брата. – Думаешь, почему я не убил тебя раньше? Хотя бы неделю назад? Я хотел, чтобы ты все вспомнил, в том числе свою удачливость. Ведь мало кому так везет: получить сразу и самую красивую девчонку в Эксе, и самую сильную ведьму. Да и отец всегда выделял тебя. Хотя я старший.

– Отец вообще никого и никогда не выделял, – холодно-вато напомнил ему Карл.

Отца он тоже вспомнил. Высокого, ширококостного. Именно в него братья пошли ростом и фигурой. У отца были темные курчавые волосы, обычные для тех мест, и почти круглое лицо, которое наследовал старший. Карл больше пошел в мать, с ее четкими чертами и высокими скулами. Но никто из детей не унаследовал холодный характер отца. Нет, он любил детей. Но в силу своей чопорности никогда не показывал своих чувств. Он давал им все, что положено: воспитание, кое-какое образование, место в деле. Но не любовь и тепло.

– И все же тебе всегда давалось больше, – не сдавался Джако. – Ладно отец. Но... тогда, в Эксе, все смотрели только на тебя, и мои друзья сразу становились твоими. В учебе тебе все давалось легко. Май и Мон – они тоже выбрали тебя. Особенно Май. Даже Энрик и тот считается с тобой, боится тебя. Уже тогда боялся. В поединках побеждал ты, хотя именно я был лучшим воином. Счет поручали тебе, переговоры тоже.

– Потому что ты всегда давал волю эмоциям и пропускал простейшие удары, – напомнил Карл. – А счет... Надо было меньше проводить времени с этими самыми друзьями в таверне. Что до Мона и Май... Тут ты тоже никогда не рвался вперед. Ни в одно из наших возвращений ты даже не пытался убить Энрика. И кстати, с чего бы это при таком раскладе ему тебя бояться?

– Да все и всегда давалось тебе, – будто и не слыша его,

продолжал брат. — Каждый раз! В Париже ты был аристократом, когда я почему-то обычным мясником. Когда мы вошли в Польшу, ты был уже лейтенантом, а я только старшиной. Даже здесь ты — майор, а я — капитан.

— Это смешно, Джако. — Карл начал раздражаться. — В Париже я был чумным доктором и пахал как проклятый. Второй раз из-за моего якобы происхождения нас чуть не растерзала толпа. Великая Отечественная... не думаю, что тебе хотелось бы поднимать людей за собой в атаку. И вообще, чего тебе не хватало, брат? Я же все и всегда делил с тобой!

— А я не хочу, чтобы со мной делились. — Он потрясал пистолетом, похоже, забыв, что оружие снято с предохранителя. Карл подумал, как бы этот придурок не ранил себя. — Я хочу всем владеть один. Понимаешь? Мне не нужен брат. Тогда в Эксе... Знаешь, я только один раз был счастлив: когда стоял на площади и смотрел на смерть Леони и ее родителей. Ты этого лишился! Навсегда! И я так верил, что в этот момент там, в лесу, наемники Энрика смогут убить тебя... Но не вышло. Жаль...

Он чуть успокоился.

— Я вписался во все это, чтобы найти возможность убить тебя, — снова холодно и жестко сообщил Джако. — Там, когда вы первый раз убили его и поняли, что он проклят и возродится. Тогда я стоял рядом с вами и давал эту чертову клятву на крови. Чтобы просто дождаться момента!

Вот оно! Вот ради чего стоило слушать все это! Карл с

трудом сохранил лицо. Он вспомнил того же подростка, лежащего на земле, прямо в пыли улицы Экса, чуть скорчившегося и жалкого. Из живота Энрика торчал меч. Его, Карла, любимый клинок. Вспомнил Май, еще совсем молоденькую. Ведь тогда ей было всего четырнадцать. Вспомнил, как она чуть поморщилась, проливая на рану убитого свою кровь. Следом это сделали Мон и сам Карл. И да, четвертым был Джако. Потом Май говорила какие-то слова, шепотом, речитативом. Заклятье на крови. Карл мало что понимал, он только очень боялся за нее – магия отнимала у нее все силы. Когда Май закончила обряд, то просто потеряла сознание. Карл успел подхватить ее и... И все. В следующий раз он очнулся во Флоренции недалеко от дома алхимика.

– Джако, ты совсем не меняешься, – устало заметил Карл. – Столько лишних слов... Ты остался, чтобы убить меня. Но почему тогда тянул так долго? Только не надо говорить, что не было другой возможности.

Брат вызывал в нем раздражение и неприятное, почти безразличное чувство жалости, как это часто бывало раньше. Что-то в Джако всегда было не так. Карл подумал, что ему как-то не хочется умирать от руки такого человека.

– Дело не в возможности, – увлекшись, брат почти опустил оружие. – Дело в другом. Ты даже не заметил этого, да? Тебя ранят из раза в раз. Это часть вашей обычной схемы. Каждый раз Май бежит тебя спасти и трясется над тобой. А сколько раз ты сам вытаскивал Мона из передряг и штопал

его раны? И ты даже не заметил, что ни разу такого не было, чтобы кто-то из вас умирал. А этого никак нельзя допустить. Потому что мы смертны, Карл. Все вчетвером. Если кто-то из нас умрет, это будет конечная смерть, чего вы так желаете Энрику, хотя раз от раза не можете достичь. Мне понадобилось время, чтобы аккуратно уточнить именно этот нюанс. И вот теперь мне реально наплевать, что случится со мной после того, как я разнесу тебе голову выстрелом. Я подожду, и в следующий раз буду с ними вместо тебя. Но ты не воскреснешь.

Карл понимал, что сказанное сейчас братом более чем ценно. Но это так не вовремя... Надо сначала спасти самого себя, а уж потом думать. Если останется чем.

– Отлично, – наигранно равнодушно заявил он. – И сколько еще ты собираешься трепаться? Машешь оружием, толкаешь речи. Ты в своем обычном репертуаре, Джако. А ведь все дело в том, что тебе просто не хватает мужества убить брата.

И Карл уставился ему в глаза – четко, холодно, с вызовом. Джако поднял оружие, вытянул руку с пистолетом вперед и замер. Карл подумал, что оказался прав: брату не так-то просто убить. Ведь он никогда и не убивал. Джако поднял вторую руку, вцепился ею в рукоять пистолета. Так точнее – с двух рук. Карл продолжал играть с ним в гляделки. Он знал одно: в последний момент, перед выстрелом, на который брат все-таки решится, Джако зажмурится. Тогда есть

шанс.

В палате висело молчание, атмосфера была напряженной, если не сказать гнетущей. Карл боялся, что не выдержит первым. И тогда он просто решил поторопить события.

– С тобой одни проблемы, брат, – язвительно сообщил он. – Давай по команде, а то вообще не решишься. Пли!

Джако вскрикнул от злости. И... выстрел прозвучал, только у двери. Кто-то снаружи вынес замок пульей. Брат дернулся, пистолет чуть отклонился в сторону. Карл использовал этот момент, чтобы просто запустить в него подушкой.

Когда летящий предмет взмыл в воздух, Джако все же выстрелил. Просто по инерции, не ожидая какого-либо нападения или вообще движения. Подушку разорвало, перья облаком зависли перед лицом несостоявшегося убийцы. Карл, пользуясь случаем, скатился с кровати. План был прост: добраться до стула и долбануть им брата. Возможно, при этом он все же схлопочет пулю, в какую-нибудь из важных частей тела. Но они в больнице – шанс на спасение велик.

Пока он полз до стула, Джако успел вслепую всадить в кровать еще две пули. А потом кто-то от открывшейся настежь двери выстрелил в самого Джако. Брат вскрикнул от боли, но именно в этот момент Карл добрался до стула и каким-то образом умудрился метнуть предмет мебели в свихнувшегося родственника. Он даже попал – Джако рухнул вместе со стулом вниз в том же безумном хороводе перьев.

– Полный сюрреализм, – устало прокомментировал Карл,

тяжело поднимаясь с пола.

– Полный дебилизм, – раздраженно поправил его Павел Семенович, убирая оружие.

Глава 3

1

Все успокоилось где-то через час-полтора. Пока в палате работала бригада полицейских и суетились врачи, Карл лежал на кровати и изображал сильно раненного и утомленного человека.

Наконец все успокоилось.

– Можешь прекратить этот цирк, – буркнул Павел Семенович, присаживаясь на новый стул, принесенный кем-то из заботливого персонала. – Давай поговорим, Карле.

Карл тут же открыл глаза, устроился удобнее и выдал то, о чем думал последние несколько минут.

– Я вас не помню, – честно сказал он. – Ни в Эксе, ни потом...

– В этом вашем Экс-ле-Бен я никогда не был, – заявил ему начальник убойного отдела. – Да и во Франции вообще. И вообще, ко всей этой вашей шайке-лейке не имею ни малейшего отношения.

– Тогда почему? – сухо зато поинтересовался Карл. Нет, в целом он был благодарен за спасение. Но вот вопрос: какова цена?

– Три года назад Кирилл спас мне жизнь, – устало вздохнув, уже совсем другим тоном пояснил Павел Семенович.

– Да, я знаю, – посчитал нужным известить его бывший Кирилл. – Тогда была перестрелка. Вы несколько увлеклись и высунули голову из укрытия, чем хотел воспользоваться один из преступников. И у меня был выбор: ваша голова или мое плечо.

– Верно, – начальник вперился в него испытующим взглядом. – Значит, у тебя есть его воспоминания.

– Есть. – Карл считал, что в этой ситуации стоит быть максимально правдивым. Похоже, этот посетитель все же не станет его убивать. Наверное, два покушения подряд было бы слишком. Даже для него. – У меня всегда остается интеллектуальный запас, навыки и умения того... кем я был в этот раз. И воспоминания. Но только нет какой-то эмоциональ-

ной прослойки.

Он хотел извиниться за это, но передумал. В конце концов, он не виноват в том, чего не понимает. Почему он заметил именно Кирилла, Карл объяснить не мог.

— Ну, хоть так. — Павел Семенович на миг отвел взгляд. — Я все равно вернул ему долг. К тому же все это было слишком странно, и я хотел разобраться.

— И мне очень интересно знать: как? — тут же спросил Карл.

Начальник нагнулся и достал из-под тумбочки что-то маленькое, похожее на черную таблетку.

— Не помню, чтобы раньше у вас была привычка везде носить с собой прослушивающее устройство, — иронично заметил Карл.

— Да я и сейчас не в восторге, — в таком же тоне признал Павел Семенович. — Это смахивает на паранойю. Но...

Он пожал плечами и убрал микрофон в карман.

— Кирилл был моим заместителем, — стал объяснять он. — Но прежде всего другом. И когда я заметил пару странностей... В целом у него тараканов своих хватало. Но... Эта бессонница, странные запросы в Интернете. А потом Серега сказал, что теперь Кира угадывает имена убитых женщин, только странно их произносит... А еще ты два дня назад прекратил реагировать на свое имя. Все это можно было бы пережить, списать на стресс и так далее. Но так получилось, что я вчера задержался на работе. Уже выходил из отдела,

когда дежурный передал, что тебя ранили. Я был там. Видел тебя, твою Май и этого странного Мона... Только вот что совсем не понятно: я, проработавший в полиции более двадцати пяти лет, запоминавший все детали, имена и лица... почему-то вообще не помню, как выглядит эта твоя девица и ее странный друг. Это меня напугало и заставило задуматься. Вот я и... решил подстраховаться.

Карл улыбнулся – хитро и при этом гордо.

– Май знает много подобных фокусов, – признал он. – Она стала осторожнее с годами. А раньше могла пошутить так, что вы очнулись бы дома с полным провалом в памяти. Но в этот раз такой финт был опасен.

– Думаю, да, – согласился начальник. – Я бы мог сильно заинтересоваться ее личностью. Но все же меня больше интересует твоя личность, Карле. Несколько странное имя...

– Можете называть меня просто Карл, – вежливо предложил бывший Кирилл. – Просто в Эксе свой выговор, и многие имена звучат немного иначе.

– Ладно, Карл. – Было видно, что Павлу Семеновичу непривычно называть так старого друга. – Что это? Ну... Ты и Кирилл? Раздвоение личности? Воспоминание из прошлой жизни? Или что-то из того, что мне будет совсем трудно принять?

Карл понял, о каких странных запросах в Сети идет речь. Еще будучи Кириллом, он сам искал ответ на этот вопрос.

– Мне и самому хотелось бы больше верить в диссоци-

ативное расстройство идентичности, – признался он. – То есть расщепление личности. Я полностью заменил Кирилла. Моя личность отличается от его. Однако при этом я не должен был бы помнить и ваше ранение три года назад, и своих коллег, и прочее, что случалось с ним. Но я помню. Также иные личности отличаются от основной и характером, и интеллектом, даже могут отличаться по гендерной принадлежности. Но ни одна из них не будет помнить события столетней или, еще хуже, почти шестисотлетней давности.

– И еще с ума вместе не сходят, – угрюмо напомнил Павел Семенович. – А вас тут таких целая организованная группа.

– Типа того, – покладисто поддержал его Карл. – Однако мои воспоминания о Париже времен Революции или об Испании середины XVI века можно было бы объяснить той самой теорией о прошлых жизнях. Многие верят, что люди, прожившие вместе в прошлом воплощении, будут вместе и в этот раз. Только снова есть две загвоздки. При перерождении меняется все, в том числе и внешний вид. Но я выгляжу так же, как и во время Великой Отечественной войны. Просто стал на пару лет старше. И еще... Мы не живем новыми жизнями от рождения до смерти. Мы появляемся, просыпаемся в чужой оболочке и четко проживаем одну свою жизнь.

– Разорванную на куски, – напомнил начальник. – Как сказал этот странный Мон.

– Не буду спорить по поводу его странности, – не удержался от усмешки Карл. – Но это факт. Все началось в 1435

году. Тогда мне было шестнадцать. Еще год все это развивалось. А когда я очнулся во Флоренции в 1507 году, мне было к восемнадцати. В Париж 1619 года, в самый разгар чумы, я попал двадцатилетним. Ну и так далее. На сегодня мне на самом деле всего тридцать четыре. И это не вписывается ни в какие теории.

– Значит, – помолчав, подытожил Павел Семенович. – Все дело реально в каком-то проклятии и обряде на крови.

– Другого объяснения нет, – признался ему бывший подчиненный.

– А что будет с Кириллом? – тоскливо спросил начальник.

– Когда я уйду, он вернется, – пожал плечами Карл. – Надеюсь, будет жить долго и счастливо.

– Если ты уйдешь, – уточнил его собеседник. – Как это ваше проклятье работает?

– Если бы знал, давно бы доживал свою собственную жизнь без приключений, – буркнул ему тот, кто когда-то был Кириллом.

– И в этом наша с тобой проблема, – веско заметил Павел Семенович. – Как ты будешь жить очередной кусок своей жизни здесь. По сути, ты не полицейский больше. Да и ребята в отделе не дураки, очень быстро они заметят, что ты не Кирилл. А этот случай с Ванькой или как там его?

– Джако, – подсказал Карл. – Что с ним будет?

– Я слегка прострелил ему руку, – признался начальник. – Ты огрел его стулом. Хорошо так, с приличным сотрясени-

ем. Пока он пробудет в клинике, полечится. Там присмотрят за его психическим здоровьем. Твой Джако выглядит невменяемым.

– Он всегда был психом, – раздраженно заметил его бывший коллега. – Взрывной и нелогичный. Но я не думаю, что он смог бы меня убить.

– Вы реально братья? – не удержался от любопытства Павел Семенович.

– По отцу, – кивнул Карл. Теперь он все помнил просто отлично. – Он был самым богатым торговцем в Эксе и владел землями. Джако – его старший сын, но от другой женщины. Она была травницей и могла помогать при родах. Только самой себе не помогла. Ее пыталась спасти мать Май, лучшая повитуха в городе, но... Выжил только ребенок. А потом отец женился на дочери одного виноградаря, с хорошим приданым. Она была скромной деревенской девчонкой, но потом расцвела. Ее считали самой красивой женой в Эксе, и это была моя мать. После нее красотой прославилась только Леони.

– Ну... – начальник пожал плечами. – В целом парню, может, и было чему завидовать. Хотя убивать – это слишком. Однако не будем отвлекаться на твои семейные трагедии. Что будем делать с тобой?

– Я тоже думал об этом, – признался ему человек из прошлого. – Я мог бы взять затяжной больничный, даже якобы уехать куда-то лечиться и восстанавливаться. Мог бы прики-

нуться, что у меня потеря памяти. Мало ли! Вон, долбанулся сильно головой, пока стул метал. Даже мог бы уволиться из органов. Правда, Кирилл мне за это вряд ли сказал бы спасибо... Но снова есть один нюанс. Тут и полицейским быть не надо, чтобы понять: это дело, которое сейчас ведет ваш отдел, тесно связано со мной. Ведь, по сути, все эти шесть-сот лет мы занимаемся тем же самым, что и вы. Мы ловим преступника. Больного фанатика-маньяка, который убивает. Всегда.

– А вы убиваете его, – напомнил Павел Семенович, – что не слишком вписывается в законы РФ. Кстати, а почему он-то возвращается? В чем смысл его проклятья?

– Не помню, – честно признался Карл. – А может быть, и не знаю.

– Надо бы узнать, – начальственным тоном распорядился шеф убойного отдела. – И поскорее.

– Как только выпишусь отсюда, – согласился с ним бывший подчиненный несколько саркастически, – так сразу и займусь этим. Самому надо, хотя бы из чувства самосохранения. Ведь понятно, что маньяк бросил свою схему и переключился на меня. И кстати, оставил свое оружие. Так просто он теперь от меня не отстанет.

– Ну, это не факт, – усомнился Павел Семенович. – Оружие можно достать и новое. Но вот ты... Нет, пока придется тебя держать в поле зрения. Давай-ка пока ты побудешь на больничном, например в клинике этой твоей Май. В отдел

не суйся, но будь со мной на связи. А там...

Он тяжело вздохнул.

– Я все понимаю, – почти жалобно сказал он. – И тебе жить надо. И Кириллу... Там, короче, будем решать по обстоятельствам. Но с ребятами нашими лучше тебе все-таки не общаться. Работаем пока в паре. И ищем... А ваш маньяк точно этот Чистяков?

– Естественно, нет, – усмехнулся Карл. – Наш Энрик всегда в тени. Уверен, что Чистяков – только его пешка. Таков уж у нашего маньяка стиль: убивать чужими руками. Да и... Чистякову 42, а Энрик на год младше меня.

– Еще одно чудное имя, – поморщился Павел Семенович.

– Можно называть его Энрике, – предложил Карл. – Важно другое. Пока мы ловим именно Чистякова. Ваша система правосудия вряд ли поверит мне на слово. Да и... всегда бывают ошибки.

– В своей логике ты до отвращения похож на Кирилла, – морщась, признался начальник. – Но обойдись без убийств.

– Пока убивать некого, – напомнил ему новый напарник. – Но послания... Буквы на щеках женщин – стиль Энрика. В них есть смысл, и я уже неделю ломаю голову над этим. Это не личный пункт Чистякова. Такое уже бывало. Тавро... Какая-то идея фикс этого мальчишки...

– Ну, не горячись, – успокоил его начальник. – Ты, как я понял, помнишь далеко не все. Да и время еще есть. Твои соучастники еще, может, подскажут... – он помялся. – Слу-

шай, ты говорил, воевал в Великую Отечественную. А за кого?

Карл сразу привычно вытянулся на кровати, сел ровнее.

– За Родину, – улыбаясь, сказал он.

Павел Семенович понимающе кивнул.

– А за Сталина? – хитро сощурился он.

– Ну... – Карл пожал плечами. – В начале войны еще такое было. А вот уже в 44-м и 45-м мы шли только за Родину.

Начальник довольно кивнул.

– А Париж? – с азартом поинтересовался он. – Ты говорил, что был чумным доктором. Seriously, ходили в этих костюмах с носами?

– Ходили. – Карлу казалось, что теперь он разговаривает с любопытным ребенком. – Только я не смог. В этом клюве были ладан и травы. Второе – это нормально, но вот на ладан у меня аллергия. Да и в плаще жарко. Работал так, на свой страх и риск.

– Это там ты медицину выучил? – продолжал расспрашивать Павел Семенович.

– Не медицину, а физиологию, – поправил его человек из прошлого. – Там я кое-что смог узнать. Но лучше изучить человеческое тело мне удалось во Флоренции. Там я был помощником у одного алхимика. Мы тайно выкупали тела, в смысле трупы, и вскрывали. Мой учитель надеялся попутно найти в крови золото. Но он так боялся всего и вся... А больше всего, что за ним придут. Когда же это случилось, он

просто выпил яд, чтобы не попасть на суд.

– Это отчаянно, – заметил начальник убойного отдела. – Что за суд? Это за трупы?

– Это по обвинению в колдовстве, – пояснил Карл и вдруг нахмурился. – Подождите... Колдовство... А ведь Леони и всю семью Май сожгли на костре...

– Ну ведь твоя Май – сто процентов ведьма, – напомнил Павел Семенович. – В это даже я поверю.

– Вот именно... – Карл напряженно думал. – Ведьма. Перед казнью им надевали на шею такую табличку. Всегда... sorcière!

– Это что? – начальник точно полиглотом не был.

– Все то же слово «ведьма» на французском! – перевел ему напарник. – Знак на щеках жертв! То же самое тавро. Вместо таблички. И первая буква этого слова!

– То есть твой Энрике убивает чужими руками и по-прежнему клеймит своих жертв как ведьм? – наконец-то смысл версии до Павла Семеновича дошел. – А ведь... Слушай! В соцсетях у этих женщин что-то такое было про мистику! В этом есть смысл!

Он недовольно глянул на Карла.

– И подтверждение твоей дикой версии о двух маньяках, – закончил он. – Я так этого не люблю... Но теперь будем проверять.

– Отлично. – Карл был доволен, что полицейский нашел себе дело. – А теперь пора меня отсюда выписывать!..

Он наблюдал из окна своего автомобиля, как один из полицейских, кажется, их начальник, ведет Карла к своей машине, будто телохранитель. Его это сместило. Жизнь Карла ничего не стоила. Зачем снова столько суеты?

Автомобиль тронулся с места, и он хотел уже было отправиться следом за Карлом, но... Он и так знает, куда сейчас везут его врага. К Май. А вот к ней он пока приближаться не собирался. Уже однажды совершил такую оплошность. Второй раз ошибаться не стоит. Не сейчас. Ведь у него уже есть некие идеи, как предать казни всех его врагов.

Карла, Май, Мона и, возможно, даже Джако, если они сами не убьют этого неврастеника. Он остался на месте, в тепле салона своего автомобиля. Он сидел и вспоминал. Или даже... смаковал? Болезненное и странное ощущение, но это так! Он смаковал ненависть к каждому из них.

К Карлу прежде всего. Это была отточенная, холодная ярость. Желание расквитаться за боль, за страх. Просто взять верх. Унизить, как когда-то Карл посмел унижать его. Но больше всего его бесило, что при виде Карла он вспоминал эти унижения. Начинал снова испытывать это чувство, будто он... изгой, отщепенец, низкий и чуждый, непринятый и непонятый. Он знал, что это лишь детская обида, пережитая давно, но зудящая, как старая рана. У многих его пациентов

есть этот синдром жертвы. Он считал таких людей слабыми и презирал их. Но он ненавидел сам чувствовать то же самое. И за это он ненавидел Карла.

Май... Здесь было другое. Он не мог соврать себе, что не опасается ее. Конечно, она крайне опасна. Но... Она просто грязная тварь. Ведьма. Та, кто очерняет мир своим существованием. Он ненавидел ее как частицу зла, с которым боролся все эти годы. Да, она могущественна, сильна, но ее суть отвратна. В случае с ней ненависть смешивалась с чувством презрения и брезгливости. Она – грязь. Ее просто надо смыть с картины этого мира.

Мон... Он судорожно вздохнул. Вот его он боялся. Жестокий, изобретательный, всегда спокойный и холодный. Похож на пресмыкающееся, у которого нет жалости, только инстинкт убийцы. Мон дважды приходил за ним, и эти смерти были по-настоящему мучительны и страшны. Да, он боялся Мона и потому ненавидел больше всех. За свой страх. За... бессилие, которое у него рождалось при каждой встрече с этим человеком. Если Карл – просто зараженное магией глупое животное, Май – кусок грязи, презренная ведьма, то Мон... настоящий демон. Иногда он думал, что сил изгнать этого демона у него может не хватить.

Однако... он знает, в чем слабость Мона. А значит, шанс победить, предать их всех огню очищения есть. А ведь они даже ни о чем не подозревают. Каждый раз объявляют на него охоту, загоняют, как зверя. Они мешают его служению

и причиняют страдания. Но они не знают его истинной цели – той задачи, какую он сам понял лишь в Лондоне, три своих появления назад. Они и есть главная цель. Их казнь – его предназначение. И в этот раз он доведет дело до конца...

Надо только все хорошо продумать. Успокоиться, очиститься от воспоминаний, от ненависти и боли. Принять лекарство, расслабиться и направить все свои силы на выполнение главной цели.

Он завел мотор. Ему надо спешить. Лекарство ждало его дома. Можно позволить себе сегодня принять чуть больше. Продлить священный транс...

– Таксистам и тем платят за провоз, – проворчал Павел Семенович, ведя автомобиль по ночному городу. – А я тебя за так катаю.

– Вы сами напросились. – Карл пытался сдерживать веселье от этой перепалки. – Отвезли домой, и спасибо. А вот дальше...

Он многозначительно развел руками.

– Во-первых, ты был ранен, – напомнил ему начальник убойного отдела. – Вроде как сам заявлял, что серьезно. А тут твой побег из больницы. И далеко бы ты сам добежал? А во-вторых, ты опять же сделал гениальный в своей логичности вывод, что теперь преступник будет охотиться только за тобой. Вообще твоя унылая квартира – самое удобное место для нападения. А я полицейский! И в отличие от тебя вооружен.

– Что, кстати, не слишком по правилам, – заметил Карл. – Я вот свой табельный в сейфе на работе храню.

– И бьешь людей по голове железной палкой, – парировал Павел Семенович. – Очень по правилам! И ладно бы хоть ударил качественно...

– Вы точно полицейский? – усмехнулся Карл.

– А вот ты хуже капризного ребенка! – возмутился начальник. – В больнице лежать не хочу, дома надо вещи па-

радные собрать, а еще отвези его в ночь куда-то... почти за город. Ты точно просто сыном купца был? Может, кто из ваших феодалов в деревне погулял, а?

– Купчик я, купчик. – Его пассажир уже не скрывал веселья. – Меня так Мон зовет, когда я сильно его достану. Аристократом быть вообще дело неблагодарное.

– Это ты по Парижу помнишь? – прошлое Карла полицейского, похоже, просто заворачивало.

– Чумной, грязный, проклятый город, – с отвращением буркнул «купчик». – Особенно в Революцию. Нас тогда чуть не переубивали всех.

– Увидеть Париж и умереть? – усмехнулся Павел Семенович. – Но ладно. Ты мне другое скажи: вот едем мы в эту твою Тмутаракань. Зачем?

– Я еду к Май, – произнес Карл. Как ему казалось, ровно, но... если бы мог, он летел бы к ней.

– Ага, – начальник скосил на него глаза. – Показаться в белой водолазочке? Чтобы, если твоя рана откроется, заметнее кровь была? Вырядился он... А ты вообще уверен, что эта твоя Май в своей клинике? Я, между прочим, об этом месте справки навел...

– Не сомневаюсь, – усмехнулся его пассажир. – А ехать к женщине в драном свитере и заляпанных кровью джинсах точно неверный ход. Однако что вы там такое раскопали о клинике? Что вам так не терпится мне рассказать?

– Мне просто было интересно, – с почти детским упрям-

ством заявил Павел Семенович. – А клиника... Еще восемь месяцев назад это был частный косметологический кабинет. Правда, немаленький. Его хозяева выкупили трехэтажный особнячок. На верхнем этаже сами жили, а внизу принимали посетителей. Теперь клиника занимает все здание. И кстати, там реально практикуют народную медицину. Хотя вряд ли травками запои лечат. У них стационар и приемные. Территорию расширили, выкупили весь пустырь. Теперь там парк. Только вот опять же кто тебе сказал, что Май и этот твой Мон сейчас там?

– Я просто знаю, – немного устало признался Карл. – И меня ждут.

Начальник убойного отдела только пожал плечами.

– Ладно, – сдался он. – Удачи. И как будут новости, любые, даже самые незначительные, звони...

Маленький коттедж прятался в глубине парка за зданием клиники. Карл не мог ошибаться, ведь Май столько раз мечтала вслух о доме в саду, с длинной верандой, с живым огнем на огромной кухне. Пусть это, возможно, ненадолго, но... Карл был счастлив, что хотя бы временно она поживет как хотела.

Она открыла ему дверь сама и застыла на пороге. В глазах – счастье, на губах – чуть заметная улыбка, будто ей снова четырнадцать. Как тогда, в его доме. Она встречалась с ним взглядом украдкой и даже смущалась. Он слова вымолвить не мог. Май казалась слишком красивой и нереальной. А еще

недостижимой. Наверное, он полюбил ее сразу. И любит до сих пор.

Карл шагнул ближе, притянул Май к себе. Наверное, ему сейчас тоже снова всего шестнадцать, он смущен и неуклюж, как тогда. Он больше всего мечтал сразу поцеловать ее, бесконечно долго и нежно, чтобы передать, как скучал по ней. Но вместо этого Карл просто обнял ее и уткнулся носом в непослушную копну волос, от которых до боли привычно пахло луговыми травами.

– Карл... – Май обвила его шею руками. – Если бы ты не пришел сегодня, я завтра сама прибежала бы к тебе. Мы не виделись слишком давно.

– Я бы пришел, – произнес он, стараясь вложить в эти слова все свои чувства. – Чего бы мне это ни стоило.

Май отстранилась и стала вглядываться в его лицо, будто искала что-то, читала каждую минуту, которую он прожил без нее.

– Пойдем на кухню, – улыбнувшись, предложила она. – Там почти готов пирог.

Он кивнул и отправился за ней следом в глубину дома.

«Это было интересно» – так бы сказал Мон. Новенький современный коттедж, который внутри максимально приближен к реалиям совсем другого времени. Кухня, естественно, стала сердцем дома, который выбрала для себя Май. Здесь все было отделано деревом для тепла и уюта. Посредине стоял длинный, опять же деревянный, стол, как в та-

вернах, и грубые тяжелые табуреты. А возле дальней стены расположились обычная газовая плита, посудомоечная машина, микроволновка и холодильник. И все же здесь была печь. Небольшая, но настоящая. Пышущая жаром.

– Садись, Карл. – Мон поставил на стол высокий стакан, наполненный рубиново-красной густой жидкостью. – Твоей магией на сегодня должны бы стать обезболивающие таблетки. Но...

Он развел руками.

– Теперь интересное время, да? – дружелюбно заметил Карл. – Есть таблетки от всего. Говорят, даже от старости. Есть Интернет, где можно найти что угодно за пять минут. Все эти автомобили, смартфоны...

– И люди в космосе, – весело добавила Май из дальнего угла кухни. – Пирог точно готов. Осталось мясо.

– Не трогай мясо, женщина! – с напускной свирепостью откликнулся Мон и тут же поспешил к плите.

Карл чувствовал себя счастливым. Он был дома. Пусть не в Эксе, а здесь, в этом странном времени, но с ними. Где Май и даже Мон, там его истинный дом. Карл пододвинул к себе бокал и сделал первый глоток.

Теплое терпкое вино с насыщенным привкусом гранатового сока и пряными травами. Он почти забыл этот вкус и теперь жмурился от удовольствия, возвращая еще часть себя. Он ощутил в знакомом и любимом напитке что-то новое. Привкус, будто медовый. Или, возможно, это лишь ассоци-

ация? Но именно от него напиток стал насыщеннее, теплее, он согревал, давал силы и притуплял боль в боку, которая, к сожалению, пока никуда не делась.

– Новый тайный ингредиент? – спросил Карл у своих друзей.

– Ты становишься все более интересным предметом для изучения. – Мон, перевернув на сковороде мясо, медленно направлялся к столу. – Чувствуешь магию на вкус, Карл?

– Я уже ничему не удивлюсь, – признался Карл, продолжая потягивать свой любимый напиток.

– Ты снова изменился. – Май тоже вернулась к столу, села напротив и стала изучать гостя цепким взглядом. – Стал мудрее и саркастичнее. Ты повзрослел, Карл.

– Возможно, – осторожно согласился он. – Но у меня, как обычно, много вопросов.

– Он все такой же смешной, – заметил Мон. – Так старается вспомнить все и сразу. И портит мне нервы.

– Не в этот раз, – усмехнулся Карл. – Сейчас я помню почти все. По крайней мере основное. И вопросы у меня о том, что я помнить не могу по определению, потому что не знаю этого.

– Ты стал говорить загадками. – По тону Май было непонятно, нравится ей это или нет.

– Я просто хочу в этот раз больше знать о магии, – мягко пояснил он.

– А я хочу для начала выяснить, откуда у тебя на виске

взялась эта ссадина? – Мон чуть нахмурился, отчего его густые черные брови сошлись на переносице. В такие моменты вид у него становился почти свирепый. – Когда я видел тебя в последний раз, а это, заметь, было всего несколько часов назад, кроме дыры в боку, на тебе повреждений не было.

– Царапину на щеке я залечила сразу. А теперь... Он снова приходил за тобой? – Теперь в голосе Май появилась угроза. Холодная, жесткая.

– Нет. – Карл выставил руки вперед, стараясь успокоить эти двоих. – Традиционное нападение было вчера. А эта царапина появилась после небольшой семейной разборки. Я неудачно упал с кровати и не заметил, как мимо пролетела пуля.

Он реально в тот момент не ощутил ожога, – Джако палил наугад, и Карла случайно задело.

– Семейные разборки? Только мы твоя семья, Карле, – неохотно признал Мон.

– Да, – уверенно и значимо подтвердил их гость. – А это просто Джако приходил меня убивать.

Мон насмешливо хмыкнул. Май будто заледенела, сидя на табурете напротив. Если бы Джако был здесь, Май бы его убила, но... Пока она ждала пояснений. И Карл рассказал. Не слишком подробно и быстро.

– Нет, ну, вообще я его в чем-то даже понимаю. – Мона ситуация развеселила. – Парень всегда второй! Да у него развился комплекс на этой почве!

– Можно подумать, он хоть раз стремился выступить первой скрипкой, – насмешливо возразила ему Май, несколько успокоенная. – Кстати, где Джако сейчас?

– В психиатрической клинике. – Карл немного поморщился. – Не убивать же его, да еще при свидетелях. Пока не стоит, я считаю, – это он выделил, надеясь, что друзья примут его пожелание. – Но вообще именно после его посещения у меня накопились вопросы. И прежде всего: это правда? Если кто-то из нас умрет, то навсегда?

– Окончательная смерть, – серьезно подтвердила Май и тут же спокойно обратилась к Мону: – Мясо горит.

– У меня никогда ничего не подгорает, – буркнул он, но все же пошел к плите. – Джако не соврал, Карле, – подтвердил Мон, выключая газ. – Поэтому мы так стремимся спасти тебя каждый раз. Потому тебя и стараются убить.

– Меня первого, потому что я возвращаюсь последним? – тут же уточнил Карл. – Сначала появляется Энрик. В этот раз он пришел больше года назад. После первого его убийства приходите вы. Это было восемь месяцев назад. Джако тоже проснулся примерно тогда же. И только сейчас я.

– Тебя стараются убить по приказу Энрика, потому что чаще всего его самого убиваешь именно ты, – напомнила Май. Мон принес тарелки – простые, белые. Приборы тоже были не вычурными, без мельхиора и украшений.

– Это я помню, – подхватил ее мысль Карл. – Чем помочь? Где взять салфетки? Стаканы?

– Сиди, – велел ему Мон. – У тебя рана может открыться.

Май уже успела соскочить со своего табурета и доставала все необходимое для сервировки стола.

– И кстати, – продолжил ее друг серьезно и даже наставительно. – В этот раз ты проснулся слишком поздно. Зато на удивление многое вспомнил за короткий срок, что странно.

– А это может быть как-то связано с личностью того, кто был тут до меня? – Карл не знал, как правильно спросить про Кирилла.

– Может. – Май вернулась к столу, а Мон ушел за сковородой, готовясь раскладывать мясо.

Карл слушал их обоих внимательно, но при этом... Они так слаженно работали! Карлу было приятно, что раньше он сам легко вписывался в их ритм, встраивался в уклад. Он помнил это.

– На самом деле, – продолжала между тем Май. – Мы так и не знаем весь этот механизм. Да, просто каждый раз Энрик возрождается, и мы появляемся. Каким-то образом именно в это время и в нужном месте уже живут трое – прости, считая Джако, четверо – человек, у которых наша внешность и подходящий возраст.

– Все это связано с проклятием Энрика. – Мон разложил мясо, отнес сковороду в раковину, вернулся и сел, готовый приступить к еде.

– Спасибо. – Карл поблагодарил их за ужин. – Проклятие интересует меня больше всего. Но... сначала немного другой

момент. Почему же возвращение дается так трудно именно мне?

– Магия, – пожал плечами Мон и принялся за мясо.

– Кубик Рубика, – саркастично отозвался Карл.

Мон замер, перестав жевать.

– Что? – оторопело переспросила Май.

– Нечто настолько же внятное, как его ответ, – с наигранной беспечностью пояснил Карл, собираясь отправить в рот отрезанный кусок мяса.

Мон коротко хохотнул.

– Магия, – все же прожевав, повторил он. – В Май ее много. Во мне чуть меньше, но достаточно. В Джако она тоже есть. В его крови. Наследство матери.

– Она тоже была ведьмой, – вспомнил Карл. – Но магии нет во мне. Так?

– Врожденной нет, – поправила Май.

В ее тоне зазвучало напряжение, и Карл сам тут же напрягся. Он всегда очень остро реагировал на ее настроения и состояния.

– В тебе есть часть силы Леони, – закончила его возлюбленная. – И магия клятвы, которую мы дали тогда. Моя магия, которой я каждый раз тебя лечу. Но это несколько усложняет твоё возвращение.

– И ты назвала все три загадки, – тут же признал Карл. – Леони, клятва и проклятие Энрика. Все это составляет некую схему и привело нас к... тому, как мы живем. Я хочу

это понять. Если все началось с Леони... Простите, я хочу знать то, чего я не знал раньше.

Мон и Май переглянулись.

– Он в этот раз вспомнил ее первой, – заметил Мон. Это прозвучало как-то... странно. Будто некий аргумент в их споре.

– Я вспомнил только ее лицо, – уточнил Карл. – И понял, почему при этом я слышал голос Май и чувствовал ее силу – я помню Май с первой нашей встречи. И... люблю ее.

Он знал, что краснеет сейчас как подросток, но ничего не мог с этим поделать. Да и не очень хотел. Ему было важно признать свои чувства. Для Май.

– Это было predetermined с первой нашей встречи. – Она улыбнулась, сияюще и тоже смущенно. – Для нас обоих. Но...

Она послала Мону виноватый взгляд, но тот только кивнул в ответ.

– Леони было всего двенадцать, – начал он, немного монотонно, скрывая свои эмоции. – Ее только готовили к посвящению. Она не входила в ковен и была не так сильна, как Май. Даже в половину.

– Леони была предрасположена к знахарству, – подхватила сестра девочки. – Ее еще только начали учить, как лечить людей наложением рук и словом. Но... так получилось, что именно она нашла тебя тогда раненым.

Карл кивнул. Он вспомнил. Снова родной лес, только еще

не такой замерзший. Осень. Охота. Запахи увядающей листвы, шум веток... И боль в животе. Вот тогда его зацепило сильно. По-настоящему. И да, появилась эта девочка.

– Леони испугалась, – продолжал Мон. – Но... ты ей нравился, и она боялась, что ты умрешь... А когда нет умения...

Он замолчал. Карл пока еще не слишком понимал почему, но именно этот момент был для Мона самым болезненным в этой истории.

– Когда ей не хватило умения, она вложила в тебя частицу своей жизни, – сухо закончила Май. – Или, если угодно, своей души. Поэтому стала связана с тобой. Хотя... ты никогда не испытывал к ней ничего, кроме обычной благодарности.

Карл кивнул. Он знал, что было дальше. Его родные, да и все в Эксе, быстро связали их имена, придумали пару. Леони считали его невестой. Интересно, понимала ли та девочка, что он принадлежит другой и это ее сестра?

– Достаточно, – попросил он. Это слишком тяжело для всех троих. – Я помню. Почти все, кроме... их смерти. Но знаю, кто в этом виноват.

– Когда ты узнал об этом, ты убил его, – напомнила Май.

– Да, – подтвердил Карл. Если бы мог, убил бы снова. Хотя... скорее всего, именно это он и сделает. – Леони лечила меня первой, потому я ее помню. И путаю ее силу с твоей, Май.

Он постарался улыбнуться своей женщине ласково и успокаивающе, а потом снова стал серьезным.

– Я также помню его первую смерть, – продолжил он. – Тот обряд на крови. Это и была клятва, как я понимаю. И именно она связана с проклятьем Энрика. Но вот этого я не могу понять! Как мы узнали об этом проклятье? В чем оно заключается и как мы теперь с ним связаны?

– О! – Мон снова усмехнулся, но невесело. – А ты становишься философом, Карле. Или ученым. Только... не все так просто. Ты неправильно понял то, что происходило.

– Трудно понять то, чего не знаешь, – саркастично откликнулся его друг.

Май усмехнулась.

– Вы оба становитесь все больше похожи со временем, – заметила она. – Карл научился достойно тебе противостоять, Мон. И это весело. Но... – Она снова стала серьезной. Эта тема уже не была для нее тягостной, и тон стал просто деловым. – В тот момент моего умения хватило только на то, чтобы понять: смерть Энрика не окончательная. И все, Карл.

– Здорово, – пробормотал он. – И что это значит?

– То, что ты видишь уже около десятка раз, – напомнил ему Мон. – Хотя мы тогда такого не ожидали. Неокончательная смерть... Да ты сам наверняка слышал кучу страшных историй об этом. Мертвяки, оживающие после смерти. Некоторые настолько могущественны, что их сравнивают со злобными духами или демонами. Вот что мы увидели, когда Энрик валялся в пыли на центральной площади Экса. Но только человек просто так подобной смертью не умирает. Этому

кто-то или что-то должно помочь.

– Мы знали это, – подхватила Май. – Я знала. Почти интуитивно. Ведь мне было всего четырнадцать, Карл! Да, мой потенциал был велик, но... знаний никто дать не успел. Да, я провела этот обряд. Его целью было найти причину не-смерти врага и убить его окончательно. Честно говоря, это был почти экспромт. А потому... мы здесь и сейчас. Он так и не умер как человек, и я как-то связала наши судьбы с ним.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.